С БАХРУШИН

Иван Грозный

ОГИЗ • ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • 1942

С. БАХРУШИН

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

Личность Ивана Грозного всегда привлекала внимание как ученых, так и художников. И тех и других увлекало сочетание в его богатой натуре самых противоположных свойств, яркость и трагизм событий, которые связаны с его именем. Больше всего поражала воображение жестокость Ивана IV, сведения о которой сохранили нам не всегда вполне беспристрастные записки современников—русских бояр, пострадавших от гнева «грозного» царя, и иностранцев, которые со страхом и недоброжелательством наблюдали рост могущества Русского государства. Примирить все известное о зверствах, приписываемых Ивану IV, с теми фактами из истории его царствования, которые свидетельствуют о его большом уме, и с широтой проведенных в его царствование реформ, со смелостью и дальновидностью его внешней политики было нелегко. Наиболее яркий представитель старой дворянской историографии первой четверти XIX в. Н. М. Карамзин так и не сумел разгадать этого государя, который представлялся ему «героем добродетели в юности», а в последующий период жизни—«неистовым кровопийцею», «тигром», упивавшимся «кровью агнцев», и в конечном итоге признал его одним из тех «ужасающих метеоров... блудящих огней страстей необузданных», которые «озаряют для нас в пространстве веков бездну возможного человеческого разврата, да видя содрагаемся» [1]. Из буржуазных историков точку зрения Карамзина защищал и развивал Н. И. Костомаров. Он не отрицал, что Иван IV «много сделал для утверждения самодержавия на Руси», но категорически заявлял, что для этого «не нужно было царю Ивану большого ума; достаточно было самодурства—цель достигалась лучше, чем могла быть достигнута умом», и видел в Грозном только «сумасбродного тирана». Даже В. О. Ключевский, один из самых талантливых представителей буржуазной исторической науки, отказывался видеть в Иване IV «государственного дельца» и почти целиком отрицал положительное значение его царствования. «Вражде и произволу,—писал он,—царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом.

---

[1] *Карамзин*, История государства Российского, т. IX, 1821, стр. 438—439

Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырем, который, чтоб погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше которого сидели его враги». Объяснение деятельности Ивана IV Ключевский искал тоже исключительно в его личном характере, в «одностороннем, себялюбивом и мнительном направлении мысли», в его «нервной возбужденности» [1].

Образ Ивана Грозного воплощен и в произведениях русских писателей. Но и их главным образом интересовала сложность психологии их героя. Пушкин в «Борисе Годунове» в нескольких штрихах изобразил двойственность в натуре Грозного: «свирепый внук» «разумного самодержца» Ивана III, своим жезлом подгребающий угли в костре, на котором жгут его врагов, выступает вместе с тем «с душой страдающей и бурной», мечтающий о монастырской жизни. А. К. Толстой в «Князе Серебряном» сделал Ивана IV мелодраматическим злодеем, в духе тогдашней романтики, терзаемым жуткими угрызениями совести; в более позднем и зрелом произведении, драме «Смерть Ивана Грозного», он вернулся к замыслу Пушкина показать двойственность в характере Ивана IV, переходящего от искреннего умиления к проявлениям зверской жестокости и от самоунижения к приливам ничем не сдерживаемой гордыни. В изобразительном искусстве И. Е. Репин в своей знаменитой картине «Иван Грозный и сын его Иван» стремился показать пробуждение лучших человеческих чувств в душе сыноубийцы перед лицом совершенного им злодеяния.

Такая трактовка личности Ивана Грозного, преимущественно с точки зрения психологической, в значительной степени была навеяна источниками, на основании которых восстанавливался образ этого царя. Основным среди них являются мемуары князя А. М. Курбского, писанные им в эмиграции, в Литве. Царский доверенный, воевода, изменивший своей родине и обративший оружие против собственной страны, стремился в них оправдать перед потомством свою измену и талантливо изобразил злосчастную перемену в характере Ивана IV, заставившую автора «бежать» из России. Человек образованный, с большим литературным талантом, Курбский сумел облечь созданный им образ в яркую и убедительную форму противоположения двух эпох царствования Ивана—эпохи благодетельных реформ и блестящих побед и эпохи разврата, зверств и поражений.

Иностранцы, опричники Таубе и Крузе и другие авантюристы, служившие Ивану IV, пока эта служба обещала им выгоды, и перешедшие затем на службу к его врагам, обивавшие пороги европейских государей, предлагая более или менее фантастические проекты вмешательства в русские дела, по понятным причинам не щадили красок для изображения «кровавого чудовища», как они называли своего вчерашнего господина. Наконец, многочисленные политические памфлеты, печатавшиеся в Германии во время

---

1 *Ключевский,* Курс русской истории, т. II, 1937, стр. 211—212.

Ливонской войны, отражают в первую очередь страх, охвативший Западную Европу перед лицом «московской опасности», и используют в целях пропаганды антирусской лиги всякие непроверенные слухи. Только когда к этим источникам были приложены серьезные методы научной критики, явилась возможность несколько приподнять завесу, скрывавшую от глаз действительное значение Ивана IV.

Уже С. М. Соловьев, учитель Ключевского, отдавал себе отчет в том, что нельзя сводить к психологическому моменту громадный сдвиг в жизни Русского государства, происшедший в царствование Ивана Грозного. С. Ф. Платонов попробовал разобраться в политическом смысле опричнины как учреждения, направленного против «княжат», потомков удельных князей. Блестящую сравнительно-историческую характеристику Ивана IV дал Р. Ю. Виппер. С большим чутьем, по-новому поняли личность Грозного и некоторые выдающиеся художники, отказавшиеся от эффектной трактовки Ивана IV как романтического злодея в стиле Байрона: с картины Васнецова на нас глядит суровый, но умный, знающий, куда он идет, человек, непреклонный в достижении своих целей; таким же умным и сильным человеком изобразил Ивана IV и скульптор Антокольский.

Однако подлинное значение Ивана Грозного выясняется только в настоящее время. В свете марксистской методологии его личность и его дело выступают с большой отчетливостью в связи с теми общими условиями, которые переживались Россией в XVI в.

Царствование Ивана IV представляет собой необходимый и очень важный этап в истории образования централизованного государства, сплотившего русскую народность в сильную политическую организацию, способную не только противостоять натиску врагов, но и осуществлять национальные задачи во внешней политике. Основной момент в истории России в описываемую эпоху—строительство централизованного государства, совершавшееся в условиях ожесточенной классовой борьбы,—наложил отпечаток и на характер и на деятельность Ивана Грозного.

I. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
в конце XV — начале XVI в.

Ко времени вступления на престол Ивана IV объединение земель, населенных русской (великорусской) народностью, вокруг единого политического центра—Москвы—уже завершилось. При его деде, Иване III, присоединен был в 1478 г. Новгород с его обширными колониальными владениями, тянувшимися далеко на северо-восток, до Уральского хребта и далее. В 1480 г. в состав великого княжества Московского вошла Тверь, долгое время соперничавшая с Москвой, и последний тверской великий князь бежал в Литву. Рязанское княжество фактически находилось в полном вассальном под-

чинении от Ивана III и окончательно лишилось самостоятельности при его сыне, Василии III. При Василии же III присоединен был Псков, а в 1514 г. под власть московского великого князя перешел и Смоленск, русский город, находившийся до тех пор под владычеством Литвы. Таким образом, в конце XV—начале XVI в. сложилось единое национальное Русское государство (великое княжество Московское), объединившее всю территорию, населенную русским народом. Этот факт был отмечен тем, что Иван III принял титул «великого князя всея Руси», а в сношениях с второстепенными государствами он даже титуловал себя «царем».

Великий князь постепенно стягивал к себе в Москву все нити управления объединенными русскими землями. Централизация управления достигалась первоначально механическим объединением правительственных органов присоединенных княжеств. Рядом с московским дворецким, ведавшим хозяйством и земельным фондом Московского княжества, появился, например, тверской дворецкий и т. д. Постепенно складывались и общегосударственные центральные учреждения. Так, в конце XV в. возникла должность казначеев, ведавших великокняжеской казной и сношениями с иностранными государствами; немногим позже возникли Разрядный приказ, ведавший военным делом, и Ямской, заведывавший ямской гоньбой. Однако трудно еще говорить о какой-либо законченной системе центрального управления. Достаточно сказать, что даже не существовало специального учреждения, которое бы руководило такой важной отраслью государственного управления, как внешняя политика: прием иностранных послов и заботы о их содержании возлагались на казначеев, переговоры вели дьяки, каждый раз по особому назначению великого князя, который нередко и сам лично разговаривал запросто с послами. Очень трудным и важным вопросом была организация военных сил нового государства. Основным зерном московской армии был «двор» великого князя, т. е. мелкие служилые люди (дворяне), которые получали от государства под условием службы участки земли (поместья) с крестьянами. По мере того как в состав Московского великого княжества включались до тех пор независимые княжества, удельные войска—«дворы»—утративших свою самостоятельность князей присоединялись к великокняжескому войску и объединялись под общим командованием великого князя. Местное управление попрежнему осуществлялось посредством назначения в городе и области наместников и волостелей, которые собирали часть доходов в свою пользу и «кормились» за счет населения. При Иване III были сделаны лишь первые шаги к ограничению этой системы «кормлений», тяжелой для населения и невыгодной для великокняжеской казны. Правительство стало выдавать городам и областям особые «уставные грамоты», в которых точно определялись повинности в пользу кормленщиков. Наконец, в 1497 г. была проведена очень важная мера, усиливавшая централизацию: был издан «Судебник», который строго устанавливал порядок судопроизводства во всех областях государства и контроль над судом кормленщиков.

В «Судебник» была внесена и особая статья, вводившая единый срок и одинаковые условия «выхода» крестьян, так называемый закон об юрьеве дне. Закон этот свидетельствует об успехах централизации, а с другой стороны, живо показывает, в чьих классовых интересах в первую очередь была эта централизация. Ясно, что такой закон был нужен мелким феодалам, которые без содействия центральной власти не в состоянии были удержать на своих землях зависимых крестьян. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти,—говорит Ленин,—помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам,—и все эти законы сводились в основном к одному—удержать власть помещика над крепостным крестьянином» [1].

Несмотря на указанные шаги в сторону государственной централизации, государство, возникшее на переломе между XV и XVI вв., отнюдь не может считаться централизованным в полном смысле этого слова. В нем еще были живы многие остатки прежней феодальной раздробленности. Вчерашние удельные князья, подчинившись московскому великому князю, сохраняли свои наследственные владения—вотчины—и, перейдя на положение вассалов, продолжали пользоваться в этих владениях многими суверенными правами. Кроме крепостных крестьян они имели собственных военных слуг, вассалов, которых награждали за службу поместьями, совершенно так же, как московский государь награждал своих дворян. Так, в 1538 г. князь Федор Михайлович Мстиславский дал своему служилому человеку Ивану Толчанову в поместье деревню и 10 починков и особой грамотой освободил от суда своих приказчиков его крестьян, за исключением уголовных преступников, по делам которых суд производили княжеские приказчики. У сына названного князя Мстиславского, князя Ивана Федоровича, в Веневском уезде в начале 1570-х годов было 67 «людей», которые «служили с земли», т. е. за поместье. В 1548 г. в Тверском уезде князьям Микулинским служило «с земли» 42 человека, а крупному церковному феодалу, тверскому епископу,—около 60 человек. В случае войны князья Воротынские и Одоевские в XVI в., если верить современнику, выставляли даже несколько тысяч человек; в поход они выступали во главе собственных полков. У князя Мстиславского кроме служилых дворян были и регулярные стрелецкие полки, которые он содержал на свой счет, платя им денежное и хлебное жалованье. Общее представление о владениях отдельных крупных феодалов XVI в. дает веневская вотчина князя И. Ф. Мстиславского. Ему в Веневском уезде в 1576 г. принадлежало 1 356 крестьянских дворов, 67 дворов военных слуг, 12 дворов беспашенных, около 17 тыс. гектаров пашни, не считая дикого поля и лесов. Центром вотчины был хорошо укрепленный деревянными стенами и башнями город Городенск, для защиты кото-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 372.

рого Мстиславский содержал 100 человек стрельцов и артиллерию. Рядом, в Епифанском уезде, у Мстиславского был тоже острог, укрепленный тыном из дубовых бревен, и при нем стрелецкая и казачьи слободы и посад, всего около 1 тыс. дворов. Это было целое небольшое государство, охраняемое собственным войском. Конечно, таких крупных феодалов, как Мстиславский, было немного, но владения других князей и бояр по существу отличались от описанных только размерами. До сих пор можно видеть во многих местах «городища»—остатки укрепленных городов, принадлежавших князьям Микулинским в районе Твери (Калинин), Курбским—на реке Курбе (близ Ярославля) и т. д. Одинаковое положение с бывшими удельными князьями занимали и нетитулованные крупные феодалы—бояре. И они владели на наследственном праве обширными вотчинами, в которых пользовались судебными и другими государственными правами; и у них кроме крепостных были многочисленные военные слуги из «шляхетных мужей» (дворян); и они в походы выезжали с отрядами воинов, вооруженных саблями и даже пищалями; и из них некоторые выезжали на войну с сотней и более всадников. У Романовых, Шереметевых, Клешниных и других были собственные городки-крепости.

На свою службу великому князю эти могущественные феодалы продолжали смотреть не как на обязанность подданных, а как на добровольное соглашение вассала с сеньером. В случае недовольства они считали себя поэтому вправе «отказаться» от службы, «отъехать» к другому государю, даже находившемуся во враждебных отношениях с великим князем. Они не считали такой поступок изменой, каковой он был на самом деле; по их мнению, они только осуществляли право «слуг вольных». Служебное положение феодальной знати при условиях, создавшихся в результате образования единого государства, поддерживалось системой местничества, обеспечивавшего родовитым вассалам московского государя первые места в управлении. При назначении на военные должности, при посылке на кормления, при рассаживании за столом—всюду и всегда государь должен был руководствоваться родословными соображениями, а не соображениями государственной пользы. При великом князе наиболее крупные вассалы составляли постоянный совет (Думу), в который механически вступали князья, потерявшие свою самостоятельность, и представители наиболее видных боярских фамилий. В окружении могущественных феодалов, составлявших Думу, великий князь оставался «первым среди равных». Ни одного крупного дела он не мог решить «без великого и многого советования» с ними и должен был покорно выслушивать с их стороны противоречие и «поносные слова» и терпеть их «высокоумничание». Про Ивана III даже говорили, что он «встречу» (противоречие) любил и «за встречу жаловал». Разделяя в центре власть со своими вассалами, великий князь при слабости собственного правительственного аппарата должен был и на местах примиряться с системой кормлений, отдававшей фактически все местное управление в руки феодальной знати.

Единство государства нарушалось и тем, что родственники великого князя имели свои независимые уделы и сохраняли много черт независимых государей, с которыми он находился в договорных отношениях. Всякий раз, как враг угрожал государству, великий князь должен был договариваться с ними и покупать их согласие на помощь ценой различных уступок. Несколько раз удельные князья подымали открытое восстание против великокняжеской власти. Так, в 1479 г. против Ивана III поднялись его братья Борис, князь волоцкий, и Андрей, князь углицкий. Непосредственным поводом для их выступления было столкновение из-за боярина князя Ивана Оболенского-Лыка. Назначенный великим князем наместником в Великие Луки, Оболенский сильно пограбил пожалованную ему область и, осужденный по жалобам жителей, «отъехал» от великого князя к князю волоцкому Борису Васильевичу; Иван III, разгневанный поведением Оболенского, не постеснялся нарушить права удельного князя и приказал схватить на территории его удела и привезти в оковах в Москву отъехавшего боярина. Это вызвало негодование его братьев. «Вот как он с нами поступает,—говорили они.—Нельзя уже никому отъехать к нам. Мы ему все молчали. Брат Юрий (удельный князь дмитровский) умер—князю великому вся отчина досталась, а нам надела не дал из нее; Новгород Великий с нами взял—ему все досталось, а нам жребия не дал из него; теперь кто отъедет от него к нам, берет без суда, считает братьев ниже бояр, а духовную отца своего забыл, как в ней приказано нам жить; забыл и договоры, заключенные после смерти отцовской». Таким образом, родные братья Ивана III, не отдавая себе отчета в происшедших переменах в жизни страны, требовали сохранения старых удельных порядков. Поддерживать свои требования они решили оружием и в начале 1480 г. во главе 20-тысячного войска, со своими семьями, боярами и дворянами двинулись в новгородские пределы; по пути они грабили и опустошали землю, забирали пленников, только не секли мечами. Иван III пытался примириться с восставшими братьями через посредство духовенства, но удельные князья отказались войти в переговоры и, став на литовской границе, послали к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру просить помощи. Между тем в московские пределы вторгся хан Большой орды Ахмат. Опасность, угрожавшая Москве, заставила Ивана III пойти на серьезные уступки братьям: он обещал исполнить все их требования, бо́льшую часть выморочного удела Юрия уступил Андрею углицкому, а Бориса вознаградил другими владениями.

Таким образом, даже в начале XVI в. великий князь московский был только «всей Русской земли государям государь», т. е. главой феодальной иерархии, а не единым государем страны.

Окончательное уничтожение всех этих отрицательных явлений, препятствовавших укреплению национального Русского государства, выпало на долю Ивана Грозного. Вся жизнь его прошла в упорной и жестокой борьбе за единство и целостность государства.

II. ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ В МАЛОЛЕТСТВО ИВАНА IV

После смерти отца, Василия III, Иван IV остался трехлетним ребенком. В течение своего восемнадцатилетнего княжения Василий III значительно усилил и упрочил великокняжескую власть. Последние удельные княжества, не принадлежавшие членам его семьи, были уничтожены. Бояр Василий устранил от вмешательства в государственные дела и сосредоточил в своих собственных руках все нити управления. У своих братьев уделов он не отнимал, но держал их в повиновении, следя бдительно через своих агентов не только за их поступками, но даже за «речами» их приближенных. Однако, когда в конце сентября 1533 г. он на охоте захворал и уже в октябре определился серьезный характер его болезни, все результаты, которые были достигнуты им в его княжение, при отсутствии взрослого наследника, были поставлены на карту. Он сам понимал это, и его предсмертные распоряжения свидетельствуют о большой тревоге за судьбу государства и династии. До последней возможности он скрывал от своих братьев—князя старицкого Андрея и дмитровского Юрия—состояние своего здоровья. Тайно от них и даже от жены, великой княгини Елены Васильевны Глинской, лишь с ведома двух преданных ему дьяков он уничтожил первоначальное свое завещание—очевидно написанное еще в то время, когда у него не было сыновей,—и составил новое. «Сам третей у постели», в тесном кругу нескольких доверенных лиц (дворецкого И. Ю. Шигоны-Поджогина и дьяков Меньшого Путятина и Григория Мишурина) он обсудил вопрос о составе будущего регентства. Правительницей он назначил великую княгиню Елену. Это была его вторая жена, на которой он женился уже немолодым, разведясь с первой женой—Соломонией Сабуровой, презрев ропот и недовольство бояр и духовенства. Елена, племянница выехавшего из Литвы князя Михаила Львовича Глинского, не русская по происхождению и не связанная с московскими боярскими фамилиями, не пользовалась симпатиями среди московской знати. Чтобы укрепить ее положение, Василий образовал при ней совет регентства, в состав которого ввел знатнейших бояр, но общее руководство делами он поручил двум лицам, на которых вполне полагался: своему любимцу И. Ю. Шигоне-Поджогину и дяде великой княгини князю М. Л. Глинскому. Последнему он особо поручил свою семью. Опасения великого князя не были лишены основания. В Москве ожидалось выступление его братьев. Едва Василий испустил дух (в ночь на 4 декабря), как митрополит Даниил поспешил привести к крестному целованию обоих удельных князей. Присяга была взята с них насильно, в запертой комнате. Среди крупных вассалов умершего великого князя наблюдались колебания, велись переговоры с дядей маленького великого князя, князем Юрием дмитровским; раздавались голоса, что «государь еще млад, трех лет, а князь Юрий—взрослый человек, людей приучить может и, как люди к нему поедут, и он станет под великим князем государство его подыскивать». Чтобы

предупредить смуту, правительство поспешило арестовать князя Юрия. Опасность со стороны удельных князей была временно устранена, но разгорелась борьба за власть среди лиц, близких к маленькому великому князю. Первое время власть находилась в руках князя М. Л. Глинского и Поджогина. Но очень скоро выдвинулось новое лицо, которое не упоминалось в предсмертных распоряжениях великого князя Василия,—князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, фаворит великой княгини. В августе 1534 г., опираясь на близость к великой княгине, он устранил князя М. Л. Глинского, который скоро умер под арестом. Торжество фаворита было полное. В сентябре он уже выступает в высоком звании «боярина и конюшего». В своих руках он сосредоточил и ведение переговоров с иностранными государствами, и военное командование, и все внутренние дела. В правление Овчины-Телепнева были приняты самые решительные меры к укреплению государственного единства и обороны страны. В городах ремонтировались и воздвигались вновь укрепления. В самой Москве были построены каменные стены вокруг Китай-города.

В 1537 г. правительство Овчины-Телепнева с успехом подавило попытку к восстанию князя Андрея старицкого. Это была последняя вспышка феодальной войны внутри княжеской семьи. Отношения между старицким удельным князем и великокняжеским двором были давно натянутые. Андрей боялся судьбы брата Юрия, умершего в заточении. В Москве его подозревали в намерении бежать из своего удела. Когда он уклонился от приезда в Москву, куда его настойчиво звали, были двинуты войска под начальством самого Овчины-Телепнева. 2 мая 1537 г. Андрей выехал во главе своего войска по направлению к Новгороду в надежде поднять против своего племянника новгородских помещиков. Над страной нависал призрак «междоусобной брани». В Новгороде поднялось смятение, но великокняжеский наместник совместно с архиепископом Макарием спешно укрепили Торговую сторону и выслали навстречу взбунтовавшемуся удельному князю отряд войска с артиллерией. Князь Андрей был вынужден остановиться в 50 километрах от Новгорода. Здесь его настигли великокняжеские воеводы. Князь Овчина-Телепнев не решился, однако, применить открытую силу. Он вступил в переговоры и целовал крест, ручаясь за полную безопасность князя Андрея. Князь Андрей поверил, поехал, полагаясь на крестное целование, в Москву, но там был арестован и умер через полгода в тюрьме.

Политика Елены и ее правительства, клонившаяся к укреплению государства, вызвала раздражение среди крупных феодалов. Когда 3 апреля 1538 г. она неожиданно умерла, то пронесся слух об ее отравлении. Бояре тотчас же расправились с князем Овчиной-Телепневым. 9 апреля он был заключен в одной из дворцовых служб, где и был уморен «гладом и тягостию железной».

Но среди боярства не было единства. Переворот был совершен влиятельными князьями Василием и Иваном Васильевичами Шуйскими и их сторонниками. Последние потомки суздальских князей,

Шуйские лишь сравнительно недавно утратили свои суверенные права. Захватив управление в свои руки, они стали раздавать города в кормления своим родственникам и «советникам» и восстанавливать порядки былой феодальной раздробленности. Однако Шуйские встретили сильного и умелого соперника в лице князя Ивана Федоровича Бельского, двоюродного брата молодого великого князя. Бельский пытался образовать прочное правительство из лиц, участвовавших в управлении при Василии III. Его сторону держали митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин. Но за Шуйскими стояла сильная группа феодалов—их родня, друзья и вассалы. 22 октября 1538 г. князь Бельский был схвачен, его сторонники были сосланы. Мишурину отрубили голову на плахе, а через четыре месяца был низложен и заточен в один из соседних монастырей митрополит Даниил и на его место назначен троицкий игумен Иоасаф Скрипицын. «Так,—вспоминал впоследствии Иван Грозный,—князь Василий и князь Иван Шуйские самовольством у меня в береженье учинились и так воцарились». Их торжество было недолговременно. Митрополит Иоасаф, человек незаурядный и с большой волей, видя развал государства, предпринял некоторые шаги к его спасенью. По его ходатайству в 1540 г. был освобожден князь Иван Федорович Бельский, который снова взял управление в свои руки. Князь Иван Васильевич Шуйский, который после смерти князя Василия возглавлял свою семью, перестал «с боярами советовать о государских и о земских делах» и в конце 1541 г. был отправлен во Владимир для командования войском, собранным для защиты границ от набегов казанских татар. Князь Бельский принял некоторые меры к ограничению произвола феодалов-кормленщиков, и современникам его правление представлялось как время «радости и льготы великой». Но уже в начале января 1542 г. Бельский был свергнут. Пользуясь своим положением в армии, князь Иван Шуйский привлек на свою сторону входивших в ее состав дворян. В Москве у него оставались сторонники, по соглашению с которыми срок переворота был намечен на 3 января. Отряд заговорщиков ночью ворвался в Кремль. Князь Бельский и его «советники» были перехвачены. Одного из друзей Бельского выволокли из спальни маленького великого князя, куда заговорщики с шумом ворвались за три часа до рассвета, перепугав мальчика. Митрополит Иоасаф чуть не был убит новгородскими дворянами и укрылся во дворце, где был арестован. Князь Иван Шуйский подъехал, когда все было уже кончено. На следующий день князь Бельский был сослан на Белоозеро и вскоре затем убит в тюрьме. Иоасаф был заточен в монастырь и на его место поставлен архиепископ новгородский Макарий—человек, близкий к Шуйским.

В то время как между феодалами шла борьба за власть, Иван, по собственному выражению, рос «в небреженьи». «Как исчесть таковые страдания многие, которые я бедственно пострадал в юности!»—вспоминал он впоследствии. Бояре мало заботились о подростке, «не только по-родительски, даже и по-властелински». И он

и его младший брат Юрий терпели нужду даже в платье и в пище. Все это ожесточало и возмущало подростка, уже отдававшего себе отчет в происходящем.

Между тем вокруг него борьба за власть продолжалась и после победы Шуйских.

Великий князь подрастал, и это усиливало интриги. Попытка Ф. С. Воронцова втереться к нему в доверие кончилась для последнего печально. Он был избит почти на глазах у Ивана и сослан в Кострому, несмотря на заступничество самого великого князя. Эту обиду 13-летний Иван, однако, не простил. Не прошло трех месяцев после этой безобразной сцены, как он сам совершил переворот при помощи дворцовой челяди. Князь Андрей Михайлович Шуйский, в то время стоявший во главе управления, был, по его приказанию, схвачен великокняжескими псарями и убит, а его «советники» были разосланы в ссылку по городам. «И от тех мест,—говорит летопись,—начали бояре от государя страх иметь». Понятно, что за спиной мальчика стояли взрослые. Падением Шуйских в конечном итоге воспользовались дяди великого князя, князья Глинские. Во главе управления стал старший из братьев умершей княгини, великий князь Михаил Васильевич Глинский; большим влиянием пользовалась бабка Ивана, властная княгиня Анна Глинская. По существу правление Глинских мало чем отличалось от хозяйничанья Шуйских: они первым делом расправились с оставшейся в живых родней князя И. Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского; их люди безнаказанно грабили население.

Уже девятый год тянулось боярское правление. Бояре распоряжались в свою пользу государственным земельным фондом, земли все «себе разъимали и друзьям своим и племени раздавали». Государственная казна была разграблена. «Все расхитили лукавым умышлением»,—жаловался впоследствии Иван IV, «казну деда и отца нашего бесчисленную себе побрали... Все себе похитили. А потом на города и села наскочили и многоразличными горчайшими мученьями без милости пограбили имущество жителей... Подвластных обратили в рабов, а своих рабов в вельмож». Наместники-бояре, сидя на кормлениях, были «свирепы, как львы, а люди их, как звери дикие, к христианам», заставляли мастеров работать на себя даром, вымогали подарки. Люди богатые предпочитали «закладываться»—переходить в непосредственную зависимость к крупным феодалам. Беднота разбегалась, города пустели. Страдало не только податное население: от бояр и их людей много обид и грабежей терпели и мелкие землевладельцы-дворяне, у которых они отнимали земли и крестьян, самих их заставляя нередко итти к себе в холопы.

Создавшееся положение, вызванное «бесчинием и самовольством» бояр, представляло серьезную опасность для целостности государства и должно было вызвать попытки укрепить власть со стороны тех групп господствующих классов, которые опасались развала государственного единства. Первую такую попытку сделал митрополит Макарий. Макарий не отличался ни политическим мужеством,

им настойчивостью в проведении своих взглядов. Ставленник Шуйских, он не противодействовал им ни в чем. Но по убеждениям он был горячим сторонником сильной самодержавной власти и упорно проводил—в сочинениях, писавшихся по его «благословению»,—мысли о великой исторической миссии московского самодержавия. Для своего времени очень образованный, прекрасный проповедник, руководитель и организатор больших литературных трудов, он создал вокруг себя блестящий кружок писателей, при посредстве которых пропагандировал свои политические взгляды. Под несомненным влиянием Макария сложилась и политическая идеология Ивана Грозного. Макарию, вероятно, принадлежит мысль о венчании на царство молодого Ивана. Этот акт должен был не только повысить международное значение Русского государства, но и укрепить расшатавшуюся центральную власть. В том и другом были заинтересованы и Глинские, власть которых всецело основывалась на родственных связях с великим князем. Церемония венчания на царство произошла 16 января 1547 г.

Присвоение великим князем московским царского титула имело большое принципиальное значение, но на первых порах оно никак не отразилось на течении дел в стране. Попрежнему хозяйничали и грабили Глинские и их приспешники. Не изменил положения и брак царя с дочерью окольничего Романа Юрьевича Захарьина Анастасией в феврале 1547 г.

Обострявшиеся с каждым днем классовые противоречия в стране разразились летом 1547 г. «возмущением великим» в Москве. Внешним толчком послужил грандиозный пожар, истребивший 21 июня бо́льшую часть города и даже захвативший Кремль. Среди низов населения вспыхнуло восстание, направленное против Глинских. Княгиню Анну и ее сыновей обвиняли в том, что они сожгли Москву волшебством. «А это говорили черные люди,—поясняет официальный летописец,—того ради, что... от людей их (Глинских) черным людям было много насильства и грабежа, а они их не унимали». Восстание приняло такие размеры, что царь должен был спешно выехать в подмосковное село Воробьево на Воробьевых (Ленинских) горах, а князь М. В. Глинский «от той крамолы хоронился по монастырям». Выступлением «черных людей» воспользовались враждебные Глинским бояре. Против Глинских объединились остатки побежденной ими партии Шуйских и новая царская родня—Захарьины, мечтавшие занять первое место в управлении; в интриге приняло участие и придворное духовенство в лице благовещенского протопопа Федора Бармина. Повидимому, какое-то отношение к делу имел и митрополит Макарий. О слухах, ходивших по Москве, было доложено царю на следующий же день после пожара. Было наряжено следствие. Князь М. В. Глинский—«всему злу начальник», и его мать успели своевременно уехать в Ржев. В Москве остался один князь, Юрий Васильевич. Он-то и сделался жертвой народного гнева. Бояре, которым было поручено произвести следствие, обратились непосредственно к толпе, собравшейся на Кремлевской площади, чтобы она назвала виновников

пожара. Из толпы стали кричать имя Глинских. Князь Юрий пытался бежать в Успенский собор, но его нашли и убили. Одновременно разгромили дворы Глинских и перебили много их людей. Восставшие приходили и в царское село Воробьево с требованием выдачи князя Михаила и княгини Анны, которых царь будто бы укрывал, но их разогнали вооруженной силой. Восстание было подавлено, много народа казнено, другие разбежались из Москвы.

Московское восстание не было единичным. По всей стране пронеслась волна антифеодальных движений, направленных в первую очередь против наместничества. Во многих местах простонародье, по словам летописи, «много коварства сделало наместникам и убийства их людям». В Гороховце горожане чуть не побили камнями воеводу, не сумевшего организовать оборону от казанских татар. В Опочке жители посадили в тюрьму пошлинника Салтана Сукиных, который «много зла творил», и потребовалась посылка войска для их усмирения.

III. РЕФОРМЫ 1550-х годов

События 1547 г. произвели очень сильное впечатление на господствующий класс. «И оттого,—говорил в 1551 г. Иван IV,—вошел страх в душу мою и трепет в кости мои». Некоторые бояре, навлекшие на себя особенное народное раздражение, пытались даже бежать в Литву, опасаясь участи князя Ю. Глинского.

Московское восстание было следствием глубокого недовольства народных масс положением, которое создалось в результате правления бояр, стремившихся возродить порядки былой феодальной раздробленности. От этих порядков страдали не только крестьяне и городское население, но и широкие слои феодалов. Бояре не составляли основной массы феодалов. Большинство феодалов состояло из дворян—сравнительно мелких землевладельцев-помещиков, получавших от царя за свою службу землю, населенную крестьянами. Во время боярского правления они сильно терпели от произвола крупных феодалов, отнимавших у них землю и крестьян и самих их нередко обращавших в своих холопов-вассалов. Без содействия царской власти они не были в силах ни защищать себя от насилий «вельмож», ни заставить крестьян себе повиноваться. Поэтому дворяне требовали, чтобы бояре были устранены от управления и вся власть сосредоточена в руках царя. Такие мысли с большой страстностью и настойчивостью выражал дворянин Иван Пересветов в записках, которые он подавал непосредственно царю. Политическим идеалом Пересветова был абсолютизм. Ссылаясь на пример турецкого Махмед-султана (завоевателя Константинополя—Махмуда), Пересветов требовал уничтожения кормлений, сосредоточения всех государственных доходов в царской казне, замены суда кормленщиков судом коронным (государственным) и составления нового судебника. Для поддержания власти царя и обороны границ он рекомендовал завести, по образцу

турецких войск, регулярное войско из «юнаков» (юношей) «с огненною стрельбою, гораздо учиненной». Острие всех этих мероприятий направлялось против «вельмож», которые «сами богатеют и ленивеют, а царство... оскудевают» (делают скудным), и, раздавая города и волости в кормление, заводят «особную войну», т. е. воскрешают былую раздробленность государства. Пересветов отлично отдавал себе отчет, что предлагаемые им реформы должны встретить сильное противодействие со стороны бояр; он и призывал царя подавить это сопротивление «грозой», т. е. террором, потому что «не можно царю царство без грозы держать». Боярству он противопоставлял дворянство -«воинников», которые являются опорой сильной царской власти. Царь должен всю свою политику сообразовать именно с интересами их, а не «ленивых богатин»—бояр; он должен «к себе их припускать близко и во всем им верить, и жалобы их выслушивать во всем, и любить их, как отец детей своих, и быть до них щедрым». Пересветов ратует за отмену местничества и о назначении на высшие должности за военные заслуги, «хотя и от меньшего колена». Таковы были настроения, господствовавшие среди дворянства, и с ними не мог не считаться не только царь, но и крупные феодалы, особенно после летних событий 1547 г., показавших необходимость для всех феодалов объединиться перед лицом грозившей им опасности со стороны эксплоатируемых ими масс. Новое правительство, сложившееся после московского восстания, вышло из более широких кругов служилых людей. Во главе его стоял человек сравнительно незнатный—царский спальник Алексей Федорович Адашев. Царь выдвинул его в противовес знатным боярам, которым не доверял, «чая от него прямой службы». Возвышению Адашева содействовало придворное духовенство в лице главным образом благовещенского попа Сильвестра, который в это время приобрел исключительное влияние на впечатлительного молодого царя, всецело подчинившегося его духовному авторитету. Сильвестр в эти годы играл большую политическую роль, «был он всемогущ», по словам летописца, «и все ему повиновались, и никто не смел ему ни в чем противиться из-за царской к нему милости; указывал он и митрополиту, и боярам, и всем» и «всякие дела правил, и святительские и царские, и никто не смел ни сказать, ни сделать не по его велению... всеми был он весьма чтим и всем владел со своими советниками». Этому властному временщику и обязан был Адашев своим возвышением. Человек умный и ловкий, трезвый делец, обаятельный в личных отношениях, Адашев взял в свои руки всю текущую правительственную деятельность. С 1550 г. он занимал должность казначея и возглавлял ведомство казначеев. Одновременно он руководил всей внешней политикой, постоянно ведя непосредственные переговоры со всеми иностранными государствами. Таким образом он соединил в своих руках две важнейшие части государственного управления финансы и дипломатию. Выступал он иногда и в качестве полководца, хотя на военном поприще никогда не выделялся. Наконец, ему же было поручено

составление «летописца лет новых», т. е. хроники царствования Ивана IV. Уже после смерти Адашева в Москве с уважением вспоминали о нем, как о «ближнем человеке, разумном и милостивом», который «Московским государством правил».

Вокруг двух фаворитов, каковыми были Сильвестр и Адашев, очень скоро образовалась сильная и влиятельная партия, их «советники», которые образовали кружок, известный под польским названием «Избранной рады». Под этим польским названием подразумевалась, повидимому, «Ближняя дума», которая фактически стала управлять страной именем царя. К временщикам примкнули и некоторые из более дальновидных бояр, сознававших необходимость тесного сотрудничества с царской властью и неизбежность и целесообразность реформ, выдвигаемых дворянством. Члены Избранной рады приобрели такое значение при царе, что он «без их совета ничего не мог ни устроить, ни мыслить». Иван IV впоследствии обвинял Сильвестра и Адашева в том, что они и их «советники» сняли с него всю власть, обо всем совещались тайно от него, считая его малоумным.

Перед Избранной радой стояли две тесно связанные между собой задачи: укрепление власти и осуществление реформ, намеченных дворянством. Для проведения в жизнь широкой программы нововведений необходимо было достигнуть объединения всего класса феодалов и внутреннего его сплочения ввиду опасности, грозившей ему снизу. В этих целях 27 февраля 1549 г. в царских палатах было созвано нечто вроде земского собора из представителей высших разрядов царских вассалов: высшего духовенства, бояр и придворных сановников, известного в литературе под названием «Собора примирения». Царь выступил с речью, в которой обвинял бояр во всех непорядках, имевших место «до его царского возраста», и предлагал им к определенному сроку покончить миром все возбужденные против них дела в обидах и грабежах. В ответ бояре били челом о прощении. Заседание закончилось объявлением от имени царя амнистии: «...но се время сердца на вас в тех делах не держу и опалы на вас никого не положу, а вы б впредь так не чинили». На следующий день ту же речь царь повторил перед столичной знатью второго ранга. Церемония завершилась благословением и отпущением грехов со стороны митрополита. На том же соборе царь «благословился» у митрополита к составлению «Судебника» и тем положил начало реформам, отвечавшим желаниям дворянства.

Через два года, в феврале 1551 г., был вторично созван собор, известный под названием «Стоглавого» (потому что постановления его были разбиты на 100 глав), на котором кроме высшего духовенства присутствовали «князья, бояре и воины». На соборе были утверждены составленный «по благословению» предшествующего собора «Судебник» и образцовая уставная грамота, регулировавшая местное управление, и обсуждался вопрос о реформах в области как церковной, так и государственной. Не чувствуя еще твердой почвы под ногами, нуждаясь в поддержке всех разрядов своих

вассалов, светских и духовных, власть обращалась, таким образом, к содействию собора из всех феодальных групп, привлекая к правительственной деятельности наряду с духовенством и боярами также и «воинов», т. е. дворян.

Реформы, проведенные Избранной радой, вполне соответствовали требованиям, высказанным дворянством устами Пересветова. «Судебник» упорядочивал судопроизводство путем установления более действенного контроля над судом кормленщиков. Контроль этот достигался присутствием на суде представителей местного населения и введением письменного делопроизводства. Большое внимание уделялось в «Судебнике» и порядку подачи жалоб на наместников и других кормленщиков.

Еще до издания «Судебника», 28 февраля 1549 г., был издан указ, освобождавший мелких землевладельцев и их крестьян от наместничьего суда. Указ этот, с одной стороны, охранял дворян от произвола знатных кормленщиков, а с другой—закреплял за ними самими судебную власть над населением их поместий. Одновременно с «Судебником» был выработан текст уставной грамоты, уточнявший права и обязанности кормленщиков в отношении населения черных (государственных) земель и городов и устанавливавший как общую меру избрание старост, целовальников (присяжных), сотских и пятидесятников для участия в суде кормленщиков. Эти мероприятия должны были в какой-то степени успокоить раздражение, вызванное хозяйничанием кормленщиков, и вместе с тем являлись шагом к централизации управления на местах.

Указ 1549 г., «Судебник», уставные грамоты подготовили общую реформу полной отмены кормлений, которая была проведена в 1555 г. Суд и сбор податей были переданы в руки выборных властей (излюбленных голов, земских судей и целовальников). Доходы, раньше получавшиеся кормленщиками, стали поступать теперь непосредственно в царскую казну. В результате всех указанных реформ была достигнута значительная централизация в области суда и финансов, и, теоретически, был положен конец той «особной войне», которая, по словам Пересветова, все еще раздирала государство в первой половине XVI в.

Важнейшая очередная задача, стоявшая перед государством, заключалась в упорядочении воинской службы. Этого требовали и интересы централизованного государства и той служилой массы, которая была главной опорой этого государства. В 1550 г. был издан указ, устанавливающий порядок распределения воевод по полкам. Требование дворян о предпочтении при назначениях на командные должности личных заслуг перед родовитостью отчасти удовлетворялось запрещением местничества «во всяких посылках» и обещанием при назначении воевод считаться не только с «отечеством» (знатностью происхождения), но и со способностями («кто может ратный обычай содержать»). Но даже это компромиссное решение в жизнь проведено не было, потому, может быть, что в составе самой Избранной рады было слишком много лиц, заинтересованных в сохранении местничества.

Гораздо более последовательно была проведена другая сторона военной реформы—обеспечение землей дворян и распределение служебных обязанностей в соответствии с размерами земельных владений каждого. В 1550 г. была произведена раздача поместий в Московском уезде и близлежащих местах 1 078 служилым людям. Эта «избранная тысяча» должна была служить кадрами, на которые рассчитывало опираться зарождавшееся московское самодержавие; входившие в ее состав служилые люди должны были быть «всегда готовы на посылки», из них вербовались военные командиры и другие должностные лица. Из них сложился впоследствии слой «московских дворян», верхушка дворянства, непосредственно примыкавшая к боярству. Этим частным мероприятием не разрешался основной вопрос о безземельных и малоземельных помещиках, лишенных возможности нести службу за отсутствием земельного обеспечения.

Необходимо было произвести полный пересмотр поместий и вотчин в целях более равномерного распределения земель, потому что «у которых отцов было поместья на 100 четвертей, ино за детьми ныне втрое, а ино голодени». В 1556 г. в связи с отменой кормлений и было издано особое Уложение, имевшее целью разрешить эту задачу по принципу «каждому что достойно». У бояр и дворян, которые «многими землями завладели», а службой «оскудели», отбирались «препзлишки» и делились между «неимущими». Вместе с тем точно устанавливался объем служебных обязанностей землевладельцев в зависимости от размеров их вотчин и поместий: с каждых 100 четвертей «доброй угожей земли» должен был являться на службу человек на коне и «в доспехе в полном». Кто имел больше этой нормы, должен был либо приводить соответственное число своих людей в полном вооружении, либо платить деньгами; наоборот, кто давал лишних людей по сравнению с количеством земли, тому увеличивалось денежное жалованье. В отношении службы вотчины были уравнены с поместьями, и между ними не делалось различия; военная служба вотчинника была подведена под общий порядок со службой помещика. Из вольного вассала, служившего добровольно своему государю, вотчинник превращался в подневольного служилого человека, право которого на землю было связано с несением государственной службы. Уложение, конечно, не устраняло большой неравномерности земельного обеспечения различных разрядов служилых людей, так как земельный «оклад» и денежное жалованье боярина попрежнему были неизмеримо выше земельного и денежного оклада какого-нибудь «городового» (провинциального) дворянина, но оно значительно улучшило материальное положение мелкого дворянства: служилые тяготы распределялись более равномерно между «пожалованными» людьми и малоземельным дворянством.

Как финансовая, так и земельно-служебная реформа потребовали приведения в известность наличных земель и угодий для установления с них как податного «тягла» (повинностей), так и службы. Повидимому, в середине 1550-х годов было приступлено к произ-

водству переписи по всему государству. Организация переписи вызвала пересмотр всей техники переписного дела, в связи с чем находится установление единообразной единицы обложения (сохи) и уничтожение существовавшей до тех пор пестроты. И в этом мероприятии нашло себе выражение стремление к централизации, красной нитью проходящее через все реформы 1550-х годов.

В общем итоге все основные требования дворянства были приняты во внимание: кормления были уничтожены, введено было денежное жалованье, произведено уравнение в службе, малоземельные дворяне были обеспечены за счет многоземельных. Но это было все-таки не то, чего хотело и добивалось дворянство. И власть и бо́льшая часть земель и крестьян оставались попрежнему в руках бояр, дворяне получали лишь крохи, падавшие с их стола. Избранная рада остановилась на полпути, не доведя до логического конца дворянской программы. И в этом следует искать причину ее конечной неудачи.

Мероприятиями в пользу дворянства не ограничивалась деятельность Избранной рады. Восстание 1547 г. ставило очень остро вопрос о посадах, сильно пострадавших в малолетство Ивана Грозного от засилия крупных феодалов. Посады сильно страдали от конкуренции боярских и монастырских слобод, пользовавшихся свободой от государственных повинностей и податей. Эти слободы одинаково нарушали интересы и посадских людей и государства. Поэтому 15 сентября 1550 г. было постановлено, что все слободы, вновь устроенные церковными учреждениями, в судебном и податном отношении присоединяются к посадам. На Стоглавом соборе 1551 г. сделана была попытка распространить это решение и на новые слободы светских феодалов. Однако грозные события 1547 г. уже успели изгладиться из памяти, и предложение правительства встретило такой отпор со стороны собора, что оно считало себя вынужденным отказаться даже от постановления предшествующего года.

Не смогла Избранная рада провести целиком всю свою программу и в отношении церкви. Преследуя цели объединения русских земель в единое и сильное государство, она должна была стремиться и к церковной централизации. Это достигалось, во-первых, объединением всех местных культов, во-вторых, унификацией обрядов. Еще раньше, в начале 1547 г., митрополит Макарий сделал в этом отношении очень важный шаг, установив узаконенный созванным для этой цели церковным собором список общерусских «святых», в число которых введены были и некоторые патроны бывших удельных княжеств. Новый собор в 1549 г. завершил это объединение местных «святых» в единый государственный пантеон. На Стоглавом соборе были проведены меры по унификации культа, церковных обрядов и религиозной живописи и по устранению некоторых злоупотреблений, имевших место в церкви. Все это направлено было к возвеличению и усилению государственной церкви и соответствовало программе теоретика московского самодержавия Иосифа Волоцкого и его последователей из числа духовенства—

«осифлян», к которым принадлежали и митрополит Макарий и большинство церковников—членов Стоглавого собора. Но боярство, входившее в состав Избранной рады, далеко не разделяло программы осифлян в целом. Обширные земельные владения, за неприкосновенность которых ратовали осифляне, привлекали внимание бояр, которые мечтали за счет церковных земель удовлетворить земельный голод дворян. Судебные права церкви над зависимым от нее населением нарушали суверенитет государственной власти, а привилегии, которыми пользовались церковные магнаты и монастыри, затрагивали интересы светских землевладельцев. Между тем осифляне горячо отстаивали и эту сторону церковных прав.

Поэтому симпатии Избранной рады были на стороне другой церковной группировки—так называемых «нестяжателей». Нестяжатели выступали с жестокими обличениями всяких непорядков в государственной церкви и настаивали на отказе ее от населенных земель. Зато в области политики они добивались независимости церкви от государства и права вмешиваться в государственные дела и стремились выступить посредниками между царем и его вассалами. Наоборот, осифляне были горячими поборниками сильной царской власти; от нее одной ожидали они и защиты церкви от возможных посягательств на ее земельные владения и охраны ее от критики со стороны неверующих—«еретиков». Поэтому в своих сочинениях они проповедывали, по примеру своего учителя Иосифа Волоцкого, идею божественного происхождения царской власти и ее священного характера. Естественно, что бояре в нестяжателях видели политических союзников и искренно ненавидели «вселукавых осифлян». На Стоглавом соборе правительство и выступило с законченной программой реорганизации церкви в духе нестяжательских учений. От имени царя были внесены предложения, клонившиеся к умалению как церковного землевладения, так и судебных прав церкви и об устранении наиболее вопиющих безобразий в церковном быту. «Царские вопросы» с исключительной резкостью бичевали церковные непорядки. Выступление царя вызвало смятение среди членов собора, большинство которых во главе с митрополитом Макарием держалось осифлянских взглядов. Царя забросали записками, в которых на основании сочинений всевозможных «отцов церкви» доказывалась недопустимость какого-либо посягновения на имущественное и другие права церкви. Правительство должно было отказаться от каких-либо радикальных решений. Дело свелось к ничтожным ограничениям в области как землевладения, так и суда, да и те едва ли вошли целиком в жизнь. Добившись успеха в основных вопросах, собор охотно согласился на мероприятия, имевшие целью повысить нравственное состояние духовенства; к этому его побуждала и опасность со стороны реформационных течений в среде самого духовенства. Таким образом, церковная реформа явилась компромиссом между осифлянским большинством церковного собора и нестяжательскими симпатиями Избранной рады.

Реформы 1550-х годов были увенчаны реорганизацией органов центрального управления. В связи с отменой кормлений и упорядочением дворянской службы был создан Поместный приказ, ведавший «дачу» поместий служилым людям и регистрацию сделок на вотчины. Был реорганизован главный штаб московской армии—Разряд. Для сбора наместнических доходов, теперь поступавших в казну, были созданы особые учреждения—«четверти», каждая из которых ведала определенной частью государства. В соответствии с ростом международного значения Русского государства в 1549 г. был организован особый Посольский приказ. Его возглавлял дьяк Иван Висковатый, тонкий делец и «отличнейший человек», уму и искусству которого «очень удивлялись иностранцы».

Реорганизация центрального управления, вносившая известную систему в текущую правительственную работу, вместе с тем способствовала усилению центральной власти.

В общем итоге реформы 1550-х годов охватили все существенные стороны управления. Можно только поражаться широте проведенных Избранной радой преобразований. В разносторонности правительственной деятельности Рады, в актуальности ее программы, в соответствии ее мероприятий потребностям основной массы господствующего класса и скрывается причина того длительного влияния, которым пользовался Адашев и его советники.

IV. РАЗГРОМ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА

В начале XIII в. Прибалтика сделалась жертвой жестокой немецкой агрессии. Жадные до прибыли немецкие купцы, издавна ездившие по Балтийскому морю для торговли с окрестными народами, первые стали обосновываться на его восточном побережье, устраивая в устьях больших рек купеческие фактории. Для развития торговли им нужно было подчинить коренных жителей Прибалтики—леттов, ливов, эстов и других (предков теперешних латышей и эстонцев)—немецкому владычеству. Лучшим орудием для этого в их глазах была религия. По их приглашению появился в Прибалтике немецкий монах Мейнгард для проповеди христианства. В 1186 г. он был посвящен церковной властью в епископы. Его проповедь не имела большого успеха; для принуждения населения к крещению требовалась вооруженная сила. На помощь немецким купцам и проповедникам приходили отряды немецких крестоносцев, которые огнем и мечом распространяли христианство, но, когда они удалялись, жители снова отказывались от христианства, смывая в речной воде крещение. Они понимали, что христианство влечет за собой порабощение. Поэтому преемник Мейнгарда епископ Альберт стал принимать более решительные меры. Он построил в устье Двины город Ригу и обратился в Рим к папе с просьбой разрешить образовать в Ливонии орден, т. е. рыцарское государство. Так возник в Прибалтике Орден меченосцев.

Меченосцы признали себя вассалами римского епископа и приступили к покорению «язычников». Часть завоеванных земель переходила в собственность ордена. С неимоверной жестокостью эти искатели наживы, которых Маркс справедливо называет «псов-рыцарями», покорили Прибалтику и поработили ее население. Прочно осев на Балтийском побережье, построив укрепленные замки, обложив жителей непосильными повинностями, они пытались распространить свою власть и дальше на восток, на Русскую землю. Но здесь они встретили отпор. Не в силах одолеть русских и боясь даже за свои владения в Ливонии, меченосцы поневоле пошли на объединение с другим рыцарским орденом, Тевтонским, который в это время хозяйничал так же жестоко и безжалостно в Пруссии. При поддержке Тевтонского ордена ливонские «псы-рыцари» стали усиленно стремиться к захвату русских земель. Но страшное поражение, которое они и их союзники потерпели в 1242 г. на льду Чудского озера от новгородской рати под предводительством знаменитого Александра Невского, остановило их движение на восток и заставило откатиться от русских границ.

До тех пор пока Русская земля была разбита на многочисленные независимые княжества, русские не были в состоянии активно выступить на борьбу с немецкими захватчиками, чтобы очистить от них Прибалтику. Дело изменилось в конце XV в., когда русский народ объединился в сильное национальное государство с центром в Москве, и, по выражению Маркса, «изумленная Европа, в начале княжения Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах»[1].

Для развития производительных сил страны России необходим был выход в Балтийское море. Только этим путем могли установиться сношения с более культурными странами Западной Европы, откуда русские могли получать и необходимые им товары, и специалистов-техников, и мастеров. Западноевропейская техника и наука нужны были молодому государству для дальнейшего его существования. Это сознавал уже великий князь Иван III. Он вел войну с ливонскими немцами и принудил их в 1503 г. подписать договор, согласно которому Деритская область в восточной Ливонии обязалась платить ему ежегодную дань. Это был первый шаг к тому, чтобы стать твердой ногой в Прибалтике. Ливонские немцы отлично учитывали грозившую им опасность со стороны их могущественного восточного соседа. Бессильные бороться с ним оружием, они стремились приостановить рост Русского национального государства блокадой, не пропуская через свои владения ни товары, ни мастеров в Россию. Очень показательна в этом отношении история с немцем Гансом Шлитте, которому молодой Иван IV поручил в 1548 г. набрать в Германии на русскую службу мастеров различных специальностей. Шлитте набрал 123 человека, но

[1] *Маркс*, Секретная дипломатия XVIII века.

ливонцы не только не пропустили их на место назначения, но добились заключения в тюрьму самого Шлитте, а когда один из нанятых им мастеров попытался самовольно перейти границу, ливонские власти схватили и казнили его. Вот как характеризовали сами немцы положение вещей: «Лифляндцы, поляки, пруссаки и ганзейские (торговые немецкие) города как бы заперли и закрыли все русские и московские страны... Они загнали русских в мешок». Это была сознательно проводимая в жизнь система, вызванная страхом усиления Русского государства. Польский король Сигизмунд Август в письме к королеве английской Елизавете откровенно высказывал опасение, что с приобретением гаваней на Балтийском море к «московиту» будут не только поступать товары и «оружие, до сих пор ему неизвестное», но и приезжать мастера, «посредством которых он приобретет средства побеждать всех... Вашему величеству известны,—продолжал король,—силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образования, не знал искусств. Но если будут продолжаться сношения через Нарву (по Балтийскому морю), то что будет... неизвестно».

На пути в Западную Европу с ее техникой и знаниями стояли немецкие владения в Прибалтике. Надо было устранить это препятствие. В выходе к морю состояла насущная жизненная потребность русского народа.

В XVI в. ливонские немцы уже не представляли собой той грозной силы, противостоять которой могли только русские дружины, остановившие их на Чудском озере. Ливония в то время представляла собой несколько враждовавших между собой полугосударств. Орден вел долгую войну с рижским епископом и с городом Ригой. Дерпт с его округой составлял обособленное владение епископа дерптского, остров Эзель принадлежал епископу эзельскому и т. д. Отдельные большие города, как Рига, Ревель, пользовались большой самостоятельностью. Не без борьбы ордену все-таки удалось установить свое верховенство над всей Ливонией, т. е. собственно Ливонией, Курляндией и Эстонией. Во главе ордена стояли магистр (начальник) и его помощник; при них состоял совет из немецких рыцарей. Но сами рыцари уже не были похожи на тех свирепых, закаленных в боях воителей, которые в XIII в. с такой беспощадной жестокостью истребляли и порабощали народы Прибалтики. Новое поколение рыцарей без всякого усилия со своей стороны получило в наследие от своих воинственных прадедов богатые земли Ливонии с закрепощенным латышским и эстонским населением. Ниоткуда, казалось, им не угрожала опасность. Не менее жадные до наживы, чем их предшественники, они стали теперь всю свою энергию направлять на эксплоатацию покоренных задолго до них латышей и эстонцев. Из грозных завоевателей, живших в своих замках, как в неприятельской стране, в постоянном ожидании нападений, они превратились в хищных и жестоких хозяев, беспощадно выколачивавших барщину и оброк

со своих крепостных. Суровый образ жизни первых агрессоров теперь сменился распущенностью. Один русский писатель XVI в. говорит про Ливонию, что «земля эта очень богатая, а жители в ней горды чрезвычайно и отступили от старых обычаев своих предков, ринулись все по широкому пути пьянства, невоздержания, лени, неправды и междоусобного кровопролития». Уже не было помина о былом воинственном духе немецкого рыцарства. Теперь, если верить ливонскому летописцу Рюссову, ни один немецкий воин не только не выходил в поход на собственные средства, но даже не соглашался даром оседлать коня. Когда стране угрожала опасность, приходилось посылать дворянам письмо за письмом, чтобы они шли в поход со своими людьми, и тогда, наконец, предварительно напившись, немецкий воин в старой, заржавевшей кольчуге громоздился полумертвый на коня под громкий плач и вой жены, детей и слуг. В войнах с русскими сила рыцарей заключалась исключительно в лучшей технике, в более усовершенствованном вооружении, в неприступности укрепленных по последнему слову искусства замков. Вот почему так боялись они проникновения в Россию технических знаний и вооружения из Западной Европы.

Вся жизнь рыцарей проходила теперь «в травле и охоте, в игре в кости, в катании верхом, в разъездах с одного пира на другой, с одной свадьбы на другую, с одной ярмарки на другую, с одного праздника на другой». Главное времяпрепровождение благородных рыцарей заключалось в пьянстве, в котором принимали участие даже 14-летние мальчики. Об этом единогласно говорят и ливонские писатели и русские очевидцы. На праздниках гости наперегонки пили из громадных чаш «такой величины, что в них можно было купать детей», и, кто перепивал остальных, прославлялся как герой. Не блистая подвигами на войне, дома немецкие рыцари и дворяне окружали себя большой роскошью, «подобно королям и князьям, щеголяя золотыми цепями и драгоценными одеждами, выезжая в сопровождении трубачей».

Пьяный и роскошный образ жизни требовал больших средств, и благородные рыцари были очень жадны до денег и готовы были охотнее умереть за свои деньги, чем за свою страну. Когда для отвращения войны надо было собрать 40 тыс. талеров для уплаты дани, которую требовал с Ливонии Иван III, то «никто не хотел расставаться с своими деньгами». «Каждый,—рассказывает ливонец Рюссов,—хвастался, что пропьет охотнее 100 талеров, чем один талер даст москвичу в дань ради мира: однако когда пришла беда, то никто не дал ничего ни для мира, ни для войны».

Средства для широкого образа жизни немецкие рыцари и дворяне выколачивали из латышских и эстонских крепостных. Ежегодно крестьяне должны были к определенному сроку доставлять своему помещику оброк: выплата оброка сопровождалась обильным угощением помещика и его свиты за счет тех же крестьян. Кроме денежного оброка крестьяне поставляли на хозяйский двор всякую живность. Даже у среднего немецкого дво-

рянина, имевшего от 60 до 100 крестьян, еженедельно резали по большому волу, много овец и ягнят, кур и гусей; одного солода на хмельные напитки выходило по 20 мер в год. В XVI в. в Западной Европе очень возрос спрос на хлеб. Немецким помещикам было выгодно сеять больше хлеба и продавать его за границу. Поэтому они увеличивали барскую запашку, которая обрабатывалась трудом все тех же крепостных крестьян. Кроме помещичьего оброка и барщины латышские и эстонские крестьяне должны были давать десятину (т. е. десятую часть своих продуктов) духовенству. Наконец, крестьяне несли много тяжелых натуральных повинностей. Их руками строились дороги и мосты, неприступные рыцарские замки, многие из которых были разрушены впоследствии артиллерией Ивана Грозного и развалины которых до сих пор видны в Прибалтике; во время войны крестьяне поставляли ратников.

Эксплоатируемый немецкими помещиками латышский и эстонский крестьянин был совершенно бесправен. Все его имущество принадлежало хозяину. Бывали случаи, когда рыцарь обменивал своего крестьянина на собаку. За малейшую провинность крестьянин подвергался истязаниям розгами. Уйти от помещика он не мог; «жаловаться бедный человек,—как пишет современный ливонский писатель,—никакому начальству не мог ни на какое насилие и несправедливость», ибо он «не имел никакого другого права кроме того, которое предоставлял ему помещик или приказчик». В угнетаемых массах прибалтийских крестьян росло глухое чувство классовой ненависти к немецким угнетателям.

Таково было положение в Ливонии в XVI в., когда в 1553 г. истек срок 50-летнего перемирия, заключенного с орденом Иваном III. Иван IV отлично понимал, какое значение имеет для его страны выход к Балтийскому морю. Поэтому, когда приехали в Москву ливонские послы для переговоров о продлении перемирия, он поставил условием уплату Дерптской областью ежегодной дани (это условие было выговорено еще в 1503 г., но не исполнялось немцами) и беспрепятственный пропуск русских купцов в балтийские гавани. Ливонским немцам было ясно, к чему клонятся требования царя. «Принять эти требования,—говорили жители Дерпта,—это значит признать себя подданными русского государя». Поэтому решено было тянуть переговоры, а тем временем заключить союз с соседними государствами, в первую очередь с Польшей и Литвой, чтобы с их помощью защититься от России, если понадобится. Так в бесконечных проволочках прошло пять лет. Наконец, Иван IV прервал бесцельные переговоры, и в январе 1558 г., в холодную бесснежную зиму русские войска перешли ливонскую границу. Немцы, рассчитывавшие, что им удастся еще оттянуть время, были застигнуты врасплох. В Ревеле справлялась богатая и веселая свадьба, на которую съехались рыцари и дворяне со всей Эстонии, когда было получено известие о наступлении русских. Однако свадебного праздника не прервали. Участники хвалились, опорожнивая громадные стопы вина, что быстро покончат с русским войском, «так как,—говорит ливонский

летописец,—в пьянстве они были сильные бойцы... Когда же свадьба кончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но даже от сосен и кустов, которые они принимали за русских». «Воевали мы Ливонскую землю,—пишет один из русских воевод, участвовавших в походе,—и нигде не вступали немцы с нами в бой; только из одного города сделали вылазку против высланных нами отрядов, но и там потерпели поражение». «В то время,—говорит ливонский летописец,—очень обычен был среди немцев крик и слово «назад! назад!» Русские много смеялись над этим словом».

Не встречая нигде сопротивления, русские войска далеко вширь и вдаль «повоевали страну». Большое участие в военных действиях принимали псковские «сторонники», или «охочие люди», т. е. добровольцы. Ужас охватил всю Ливонию. Немцы запросили мира, рассчитывая и тут опять затянуть дело и тем временем собраться с силами. Заключено было перемирие, но оно очень скоро было нарушено самими немцами в Нарве.

Немецкий город Нарва только рекой Нарвой отделялся от русского Иван-города, построенного Иваном III. Иван-город, представлявший собой сильную крепость с высокими толстыми башнями и крепкими стенами, был, как бельмо в глазу, у нарвских немцев. Пьяные немцы стали с нарвских стен стрелять в Иван-город и убили нескольких ивангородских жителей. Ивангородский воевода без разрешения Москвы не решился, однако, нарушить перемирие, и только когда соответствующий указ был получен, на Нарву были направлены ивангородские пушки и началась бомбардировка города каменными ядрами. Жители Нарвы стали просить четырехнедельного срока для посылки своих представителей к царю для переговоров о сдаче. Делегация поехала в Москву, а в это время горожане обратились за помощью к Кетлеру, помощнику магистра, который и поспешил к ним с войском на выручку. Под городом происходили стычки между русскими и приведенными Кетлером наемниками. 11 мая в Нарве вспыхнул сильный пожар. Поднялась суматоха. Жители со всем своим добром побежали в замок; даже часовые покинули свои посты. Ивангородцы, увидав, что стены Нарвы оставлены без защитников, не дожидаясь чьего-либо приказания, стали на чем попало—на лодках, на досках, на снятых с петель дверях—переправляться через реку на Нарвскую сторону. За ними без разрешения воевод кинулись и ратные люди. Ворота города были выбиты, и русские ворвались в город. Засевший в кремле гарнизон стал быстро отстреливаться из пушек, но бóльшая часть артиллерии осталась в объятом пламенем городе. Русские, овладев брошенными пушками, обратили их на кремль и заставили замолчать вражескую артиллерию, после чего принялись тушить пожар. Стоявшее поблизости немецкое войско под начальством Кетлера не торопилось итти на помощь Нарве. Увидев зарево пожара, рыцари двинулись было в поход, но, когда пожар в результате усилий русских стал утихать, успокоились, что дело обошлось без них, и остановились,

полагая, что город вне опасности. На следующий день, 12 мая, гарнизон сдался. Согласно условиям сдачи, и гарнизон и жители получили право уйти со всем оставшимся у них имуществом. Русские свято исполнили свои обязательства.

Приобретение Нарвы имело очень большое значение для России. В руки русских досталась прекрасная торговая гавань, через которую немедленно началась оживленная торговля с Западной Европой. В Нарву стали приходить корабли из Германии, Англии, Франции и других стран; через нее не только поступали необходимые для России товары и боеприпасы, но и приезжали специалисты-техники, в частности оружейники и пушечные мастера. Это был первый шаг к овладению Балтийским морем и его торговлей.

Падение Нарвы нагнало страх на всю Ливонию. Жившие по соседству рыцари бежали из своих замков. Город Везенбург был покинут жителями и занят русскими войсками. Вся восточная Эстония была завоевана русскими. Русские спешили использовать результаты своей победы. Они подступили к Сыренейску (Нейшлоту), немецкой крепости, запиравшей выход из Чудского озера в реку Нарову и не допускавшей проезд из Пскова к морю. Московские воеводы окружили город окопами и турами (подвижные шанцы из фашинника, набитого землей), подвезли из Нарвы артиллерию и стали бомбардировать Сыренейск. Через три дня гарнизон сдался на милость победителей. Нарова от истоков до устья теперь была в руках русских.

Успеху русского оружия очень благоприятствовало сочувствие со стороны коренного эстонского и латышского населения, которое ненавидело своих угнетателей-немцев. Тотчас после взятия того или иного города местные крестьяне сбегались в русский лагерь и выражали готовность присягнуть на верность России.

Иван Грозный отдавал себе отчет в важности сделанных приобретений. Он торопился закрепить за собою завоеванные земли. Спешно восстанавливались разрушенные бомбардировкой укрепления и воздвигались новые. В Везенбурге был насыпан новый высокий вал, стены были подняты, на стенах построены башни, пробиты бойницы; для этих построек были разобраны каменные здания в городе. Иван IV принимал меры и к тому, чтобы восстановить правильное течение жизни в занятых областях. Жителям города Нарвы он дал жалованную грамоту, обеспечивавшую им спокойное проживание в их городе и пользование их имуществом, даже велел разыскать и вернуть в отечество пленников родом из Нарвы.

Летом под начальством князя П. И. Шуйского началось русское наступление на собственно Ливонию со стороны Пскова. Русские пошли прямо на Нейгауз, представлявший в то время очень сильную крепость. Осада тянулась три недели. Наконец русские разбили из пушек главную башню и пододвинули туры к самым стенам, так что воины могли прямо с них всходить на стены. Тогда гарнизон покинул город и заперся в замке. Русские, заняв город, приступили к осаде замка. Гарнизон был вынужден

сдаться. Магистр Фюрстенберг, стоявший со значительным рыцарским войском недалеко от Нейгауза под защитой болот и небольшой речки, так и не решился выступить на помощь осажденной крепости. Его рыцари, окружив для безопасности на случай внезапного нападения лагерь обозными телегами, веселились и пьянствовали. Узнав о падении Нейгауза, Фюрстенберг отступил так поспешно, что посланные за ним русские полки не могли его догнать.

Путь к Дерпту, старинному русскому Юрьеву (Тарту), был открыт. Войско епископа дерптского, настигнутое в 25 верстах от города, было разбито. Русские гнали его до самых предместий Дерпта, захватили обоз с военными запасами и пленных. После этой победы П. И. Шуйский отошел к Киремпе и стал готовиться к осаде Дерпта; он предложил епископу и дерптским жителям сдаться. Предложение было отвергнуто, но в городе уже началось разложение. Епископские дворяне стали покидать город. Когда большинство ушло, оставшиеся выразили желание сделать вылазку; им открыли ворота, они вышли и больше не возвращались, направившись к Риге. Бежали толпами и горожане. 11 июля русские войска приступили к осаде. Дерпт, важный торговый город, был сильно укреплен, его артиллерия состояла более чем из 500 пушек. Русские окопались в турах под самым городом. Началась бомбардировка. Непрерывно летали в город каменные и огненные ядра. Защитники были сбиты со стен. С высокого вала, насыпанного у самых стен, русские стреляли из пушек внутрь города. Крыши и стены домов обваливались. В городе поднялось смятение. Горожане требовали, чтоб епископ сдался. Епископ упорствовал. Но когда разбиты были стены и в Дерпте начались беспорядки, то 18 июля город сдался на условиях, выработанных епископом и городским советом. Условия сдачи были впоследствии в основном утверждены Иваном IV. Епископ выехал в один соседний монастырь, и Шуйский торжественно въехал в город. Немецкие источники отмечают, что Шуйский немедленно принял самые энергичные меры, чтобы обезопасить жизнь, спокойствие и имущество жителей, не допуская никаких обид и насилий населению со стороны ратных людей. Запрещено было даже помещать русских ратных людей в домах, если они не были покинуты жильцами. Гуманность обращения русских властей с жителями завоеванного города, необычайная в те времена, вызывала общее изумление во всей Германии. Всем желающим было предоставлено право выехать беспрепятственно из Дерпта со своим движимым имуществом. Разрешением воспользовались многие немцы; латыши предпочли остаться на старых местах под властью московского царя.

Результаты первого года войны превзошли все ожидания. «В то лето,—пишет участник похода князь Курбский,—взяли мы замков немецких с городами около 20 числом и пребывали в той земле до первого снега и вернулись с великою и светлою победою». **Почти вся восточная Ливония была завоевана.**

Взятие Дерпта, одного из главных городов Прибалтики, привело всю Ливонию в смятение. Началось повальное бегство рыцарей из соседних замков. Даже из Ревеля выехал командор. Все обвиняли магистра Фюрстенберга в поражении. Дряхлый старик, действительно неспособный к командованию, Фюрстенберг был вынужден отказаться от своей должности. На его место рыцари выбрали более молодого и энергичного Кетлера, большого интригана, искавшего только своих выгод, который давно уже подкапывался под Фюрстенберга. Вновь избранный магистр стремился выказать свою удаль, хотя под Нарвой не отличился большой храбростью. Когда осенью главные русские силы ушли на зимовку в Россию, Кетлер сделал попытку вернуть Дерпт. Со всем своим войском он осадил замок Рингеп, в котором стоял небольшой русский гарнизон из 90 человек под начальством Русина Игнатьева. Горсточка защитников Рингена, несмотря на громадное превосходство неприятельских сил, долгое время мужественно оборонялась, пока не были разбиты стены и не вышли запасы пороха. Только тогда немцы овладели Рингеном и, удовольствовавшись этим скромным успехом, спешно ушли, потому что, по слухам, на помощь гарнизону в Дерпте уже подходили русские полки. После ухода Кетлера из Рингена окрестное латышское население опять подчинилось русской власти.

Вторжение немецких войск в пределы Псковской области встретило отпор и было остановлено. В декабре началось новое наступление русской армии на Ливонию. Русские войска подвергли опустошению всю страну на пространстве 600 верст в ширину и 200 и больше в длину. Русские доходили до моря, к самой Риге, сожгли предместье города и корабли, стоявшие в гавани. В Риге поднялась паника: простояв под Ригой три дня, русские войска двинулись вверх по Западной Двине по обоим ее берегам. В этот поход было взято и сожжено 11 замков и небольших городов.

Между тем Кетлер собрался с силами и, наняв на кое-как сколоченные деньги наемное войско, вновь сделал попытку вернуть Дерпт и другие потерянные немцами города. Одержав победу при первой стычке с русскими войсками, он подошел к Дерпту, но русские не подпустили его к городу. Простояв почти два месяца и не решившись на приступ, немцы без всякого результата отошли от города. На обратном пути Кетлер пробовал отбить замок Лаюс, занятый в предшествующую кампанию русскими. В Лаюсе засели Андрей Кошкарев и человек 400 дворян и стрельцов. Немцы осадили замок, построили окопы и батареи, разбили стену в одном месте на 15 сажен и два дня сряду через этот пролом приступали к замку, но осажденные оказали чудеса храбрости, и Кетлер, понеся тяжелые потери, отступил, по словам ливонского летописца, «со стыдом и позором». Его ратники, которым за отсутствием денег не выплачивалось жалованье, стали расходиться.

Успехи русского оружия в Ливонии встревожили всю Германию. В рейхстаге (собрание представителей германских государств) в Аугсбурге в марте 1559 г. германский император Фердинанд I

настойчиво предлагал оказать помощь Ливонии, изнемогающей в в борьбе с Москвою. О помощи слезно умоляли представители Ливонского ордена, присутствовавшие в рейхстаге. Но крупнейшие немецкие князья боялись ввязываться в трудную и требовавшую больших затрат войну с грозным восточным государем. После долгих переговоров дело ограничилось обещанием скромной денежной субсидии и постановлением о посылке посольства к Ивану IV с ходатайством за Ливонию.

Следующий, 1560 год ознаменовался новыми блестящими победами русских войск. В начале этого года пал Мариенбург. Расположенный на высоком острове среди большого озера, Мариенбург считался неприступной крепостью. Русские по льду подкатили артиллерию к городу, поставили туры и стали громить стены из пушек. Когда после полдневной бомбардировки основания стен были подбиты, немцы стали бросаться со стен вниз и сдались. Отпущенный на свободу начальник крепости Каспар фон Зиберг был обвинен немцами в измене и умер в тюрьме. Это новое поражение привело рыцарей в панику. Замки один за другим сдавались победителям без всякой попытки к сопротивлению. Русские войска доходили до Курляндии.

В мае 1560 г. русские вышли из Дерпта для взятия Вессенштейна (по-русски Белый Камень). Под самым городом они повстречали отряд немцев и разбили его. От пленников узнали, что Кетлер вышел с войском из Ревеля и стоит верстах в пятидесяти за болотами. С ним было четыре конных и пять пеших полков. Решено было напасть на немецкое войско. Отпустив пленников в Дерпт, русские двинулись вперед, с трудом продвигаясь по топким болотам. Лошади и ратники вязли в трясине. «Если бы,— говорит князь Курбский,—на нас напали немцы, то они разбили бы нас,—даже если бы было нас втрое больше, а было нас всего 5 000 человек». Взошла луна. Ночь была ясная и светлая, как обычно в приморских краях. Выбравшись на сушу около полуночи, русские ударили на немцев, которые никак не ожидали нападения, считая себя в безопасности за болотами. Битва продолжалась полтора часа. В ночном полумраке «огненная» (ружейная или пушечная) стрельба немцев не отличалась меткостью; наоборот, русские били из луков стрелами наверняка, целясь на блеск выстрелов. Сражение принимало все более ожесточенный характер. В рукопашном бою русские потеснили немцев, и «устремились германцы на бегство». Русские гнали их верст шесть до глубокой реки. Мост, по которому бежали немцы, обрушился, и многие потонули. Кетлер с немногими спасся бегством. К восходу солнца поле сражения было за русскими. Уцелевшие от побоища немецкие пехотинцы прятались по полям во ржи. В русском войске потери составляли 16 дворян, не считая их слуг, а одних знатных немцев было взято в плен 170 человек, кроме убитых.

Между тем из России была двинута сорокатысячная армия, имевшая задание взять Феллин, одну из самых сильных крепостей восточной Ливонии. По пути близ города Эрмеса в лесу их ожи-

дало в засаде немецкое войско под начальством Филиппа фон Белля, почитавшегося самым храбрым из всех рыцарей и заслужившего прозвище «защитника и надежды Ливонии». Немцы были введены в заблуждение латышами, сообщившими им преуменьшенные сведения о количестве русского войска. Латыши, сочувствовавшие русским, видя в них избавителей от немецкого ига, провели русских воевод стороною по им одним ведомым тропинкам. Немцы оказались обойденными. Пьяные рыцари, ибо, по словам русского очевидца, «немцы днем редко бывали трезвы», несмотря на неравенство сил, бросились в бой и потерпели сильное поражение. Более 500 из них пало в битве, в плен попало, не считая простых ратников, 12 рыцарей и 120 дворян. В числе пленных был сам фон Белль. Воеводы отослали его в Москву. Эрмесское поражение, говорит Рюссов, «внушило большой страх остальным ливонским городам и землям, потому что после гибели этих сановников число рыцарей немецкого ордена очень уменьшилось, и почти весь совет ордена был уничтожен». В Пернове спешно было созвано собрание всех сословий Ливонии для обсуждения создавшегося положения, как вдруг было получено поразившее всех, как громом, известие, что Феллин осажден русскими войсками. Тогда все «господа», собравшиеся на съезд, «поспешили как можно скорее убраться домой».

Феллин был по тому времени в полном смысле слова первоклассной крепостью. Он стоял на горе, с юга и востока был защищен озером, а с запада и севера—глубокими рвами, выложенными тесаными камнями, и окружен крепкими стенами; в центре города стоял замок, окаймленный тройным рядом стен. В замке все здания были покрыты свинцовыми досками. Крепость имела 18 крупных стенобитных орудий и 450 пушек меньших размеров и была хорошо снабжена боевыми запасами. Казалось, что Феллин может долго держаться. В нем засел бывший магистр старик Фюрстенберг. Вышедшее было на выручку Феллина немецкое войско было разбито высланным ему навстречу отрядом русских войск. Русские осаждали Феллин более трех недель, построили вокруг него окопы, громили стены из тяжелых орудий и стреляли непрерывно огненными ядрами. 21 августа от бомбардировки город загорелся. Русские усилили артиллерийскую стрельбу. Тогда Фюрстенберг и жители стали молить о пощаде. Ливонские историки утверждают, что Феллин мог еще обороняться, но что он пал вследствие общей деморализации гарнизона, требовавшего жалованья и отказывавшегося служить без денег. Московские воеводы согласились отпустить всех защитников и жителей города, кроме Фюрстенберга, который, как трофей, был отправлен в Москву.

Успехи русских в Прибалтике, как сказано, в значительной степени объясняются симпатиями, которыми они пользовались среди коренного населения—латышей и эстонцев, которые ненавидели своих угнетателей—немецких рыцарей. После взятия русскими любого немецкого города или замка окрестное население с большой готовностью подчинялось новой власти. Хорошо зная местность,

латышские и эстонские проводники показывали русским дороги в обход немцам. В 1560 г., в самый разгар Ливонской войны, в Ливонии вспыхнуло большое крестьянское восстание против немцев-помещиков. Крестьяне, говорит летописец, отказывались «давать дворянам большие подати и налоги и исполнять тяжелые службы», не хотели больше подчиняться дворянам и стремились либо освободиться от их власти, либо их перебить. «К чему нам терпеть за дворян?—говорили повстанцы.—Они берут с нас большие оброки, мучат нас барщинами, а как неприятель пришел, они прячутся, а нас отдают на зарез». Крестьяне громили и жгли немецкие усадьбы, убивали немецких рыцарей, попадавших им в руки, и осадили замок Лоде. Рыцари жестоко подавили это восстание. Много крестьян было перебито, предводители восстания были повешены.

Падение Феллина решило судьбу немецкого рыцарского ордена в Прибалтике. Орден развалился, как карточный домик. Современник так описывает состояние Ливонии: «Московит после завоевания многих городов и замков все еще свирепствовал в стране; знатнейшие сановники, орденские власти и правители частью разбежались, частью были уведены в плен в Москву; у магистра ливонского не было никаких средств привести в порядок разоренные области; к тому же великий страх наведен был на остальные земли и города тем, что старый магистр Фюрстенберг был взят в плен московитом и отослан в Москву без всякой помощи и выручки со стороны его преемника и настоящего магистра, чего не случалось до сих пор ни с одним магистром с основания ордена». Последний магистр ордена Кетлер тщетно взывал о помощи ко всем соседним государствам. В октябре 1560 г. в Шпейере был по его настоянию созван съезд представителей германских княжеств, на котором читалось послание Кетлера с мольбою о спасении Ливонии. Среди германских князей царила растерянность. Те из них, владения которых были в Восточной Германии, открыто выражали страх, что «московит» (т. е. русский царь) не удовольствуется одной Ливонией и, «подобно леонарду или медведю, будет стремиться все себе подчинить» и что очень скоро дойдет до Пруссии и других княжеств. Но когда дело доходило до реальной помощи, то те, кто кричал громче всех, ограничивались лишь попрежнему обещаниями денежной субсидии и разговорами о посольстве в Москву. Не находя себе помощи извне, не будучи в состоянии собственными силами противостоять русскому оружию, рыцари стояли перед опасностью потерять свое привилегированное положение в Прибалтике, свои богатые и доходные земли, возможность эксплоатировать в свою пользу крепостное латышское и эстонское население. Чтобы сохранить все эти блага, рыцари пошли на отказ от политической независимости, пошли на полное расчленение страны. Они открыто торговали отдельными частями Орденской территории. Сам Кетлер отказался от звания магистра и уступил Ливонию Польше под условием, чтоб ему оставлена была Курляндия в качестве не самостоятельного, а

вассального, зависимого от Польши, владения. Ревель отдался под власть шведского короля. Епископ эзельский продал свои владения датскому королю. «В то время, когда Ливония пришла в жалкое состояние,—заканчивает летописец Рюссов описание событий 1560 г.,—многие земли, замки и города были разорены, все запасы в стране были истощены, число воинов и сановников крайне уменьшилось, и магистр был слишком слаб, чтобы противиться такому сильному неприятелю, которому так благоприятствовало счастье в победах; тогда магистр счел самым лучшим предаться с остальными землями и городами под защиту польской короны. Тогда окончилось магистерство немецкого ордена в Ливонии!» Таков был бесславный конец ордена, властвовавшего в Прибалтике в течение трех с половиной столетий. Он держался, пока русский народ еще не сплотился в сильное национальное государство. Он неизбежно должен был исчезнуть с лица земли, когда разрозненные русские земли слились в одно мощное централизованное государство.

V. ОПРИЧНИНА

В то время как русское оружие одерживало блестящие успехи над ливонскими немцами, внутри государства в правящей среде назревал серьезный конфликт между царем и его ближайшими сотрудниками, конфликт между Избранной радой и широкими кругами дворянства. Этот конфликт был неизбежен. Дворянскую политику Адашев проводил при содействии представителей крупной феодальной знати, и поэтому в ряде вопросов он должен был итти на уступки боярству, которые нарушали интересы дворянства. Так, он вернул бывшим князьям земли, конфискованные у них в прежнее время, вместо того чтобы раздать их дворянам. Но главным поводом для недовольства дворянства являлось отношение Избранной рады к царской власти.

Дворяне хотели иметь сильного царя, способного удовлетворить нужду служилого класса в земле и в крепостном труде. Идею абсолютизма последовательно проводил в своих памфлетах Иван Пересветов. Но ярче всего идеологию царского «самодержавства» развивал сам Иван IV в своей полемике с князем А. М. Курбским—идеологом консервативно настроенной феодальной знати. «Самодержавство,—писал он,—божиим изволением почин получило от великого князя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и великого царя Владимира Мономаха, высокодостойнейшую честь воспринявшего от греков, дошло и до нас, смиренных скипетродержцев Русского царствия». Два момента освящают «самодержавство» Ивана IV: во-первых, «божье изволение», во-вторых, законность его прав на престол. Он не избран «многомятежным человеческим хотением, как польский король, а «прирожденный государь», «воцарился» божиим велением и родителей своих благословением»; «свое взяли мы, а не чужое похитили». Поэтому он является всевластным господином над своими подданными и власть его неограничена. Всякое неповиновение царю равносильно преступлению против бога, греху. Царь

имеет неограниченное право жизни и смерти над подданными. «А пожаловать мы холопов своих вольны,—писал Иван,—а и казнить их вольны же». В области управления власть царя не ограничена. «А российские самодержцы,—говорит он,—изначала сами владели всем государством, а не бояре и вельможи». Этого требуют и интересы государственной обороны и безопасности. «Если,—рассуждает Иван IV,—царю не будут повиноваться подвластные, то никогда не прекратятся междоусобные брани», а «кто может вести брань (войну) против врагов, если царство будет разрываться междоусобными бранями?» Итак, самодержавие необходимо для создания сильного централизованного государства, способного противостоять внешнему неприятелю.

Теорию самодержавия, преемственно переходящего со времени Владимира Киевского в роде русских государей, в литературе развивало духовенство осифлянского толка, объединяемое митрополитом Макарием.

Необходимость укрепления центральной власти сознавалась и боярством. Но вместе с тем крупные феодалы добивались участия в управлении централизованного государства, выраставшего на развалинах феодальной раздробленности, хотели делить с царем его власть и могущество. «Царей и великих князей и прочих властей», с их точки зрения, установил бог, но цари и великие князья должны «всякие дела делать милосердно с своими князьями и с боярами и с прочими мирянами», должны «с боярами и с ближними приятелями обо всем советоваться накрепко». Близкий к Адашеву князь А. М. Курбский писал: «царю достойно быть главой и любить своих советников, как члены тела». В том и заключается отличие разумных существ от неразумных, что они руководят «советом и рассуждением». Царь не только должен советоваться с мудрыми советниками, он должен их слушаться, иначе бог его накажет, как наказал некогда древнего еврейского царя Ровоама за «непослушание синклитскому (боярскому) совету». Исходя из таких соображений, Избранная рада внесла даже в «Судебник» особую статью, согласно которой все добавления к нему могут вноситься царем лишь «по приговору всех бояр», т. е. Боярской думы.

Адашев и Сильвестр все время поддерживали бояр и проводили в жизнь их планы. «Помалу стали они всех вас, бояр, в самовольство приводить,—жаловался Иван IV,—нашу же власть с нас снимали и честью вас едва с нами не равняли...» Проводя, с одной стороны, политику усиления центральной власти, бояре, примыкавшие к Адашеву, стремились вместе с тем сохранить часть своих прежних феодальных привилегий и тем самым подрывали значение предпринимаемых реформ. Обеспеченные землей и достаточно могущественные, чтобы без помощи центральной власти, при помощи собственных слуг держать в повиновении своих крепостных, они меньше нуждались в сильной царской власти, чем родовое дворянство, которое видело в царе источник своего земельного обогащения и опору своей власти над крестьянами.

Наоборот, бояре были заинтересованы в том, чтобы обезопасить от царского произвола свою жизнь и имущество. Курбский требовал от Ивана ответа: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных тебе, различным смертям предал ты?» «Я уж не разумею,—писал он в другом послании,—чего ты от нас хочешь. Уж не токмо единоплеменных княжат, ведущих свой род от великого Владимира, поморил ты и движимое стяжание и недвижимое, чего еще не разграбили отец и дед твой, пограбил, но и последних сорочек, могу сказать с дерзновеньем, ...твоему премудрому и царскому величеству не возбранили мы». Как за последнее средство самозащиты от растущей царской власти, они цеплялись за право отъезда, закрывая глаза на тот факт, что при изменившихся условиях отъезд был равносилен измене отечеству. Когда князь Семен Лобанов-Ростовский подвергся опале за попытку отъехать к врагам в Литву, друзья Адашева окружили его всяческой заботой.

Естественно, что стремление Избранной рады ограничить власть царя и другие притязания бояр должны были встретить резкий отпор со стороны широких кругов феодального общества, интересы которых были связаны с укреплением царской власти,—дворянства и горожан. Выразителем взглядов этих кругов было духовенство. Когда в 1553 г. Иван IV при посещении Кирилло-Белозерского монастыря зашел к пребывавшему там бывшему епископу коломенскому Вассиану Топоркову, то Вассиан дал ему совет: «Если хочешь быть самодержцем, то не держи при себе ни одного советника мудрее себя, потому что ты сам лучше всех; так будешь тверд на царстве и всех иметь будешь в руках своих».

Среди самого боярства попрежнему не было единства. Родственники царя были заинтересованы в том, чтоб освободить его от опеки фаворитов и их сторонников. «Шурья царевы»—Захарьины—пользовались родственной близостью к царю, чтобы настраивать его против Адашева и Сильвестра, особенно после того, как у их сестры, царицы Анастасии Романовны, родился наследник царевич Дмитрий. Сама царица интриговала против всесильных временщиков, которые с своей стороны не скупились на резкие выражения по ее адресу, «уподобляя ее всем нечестивым царицам».

Эта раскол в ближайшем окружении царя проявился особенно резко вскоре после взятия Казани, в январе 1553 г., когда Иван серьезно захворал и остро встал вопрос о его преемнике.

На скорую руку царь составил завещание в пользу своего новорожденного сына и потребовал, чтобы бояре присягнули. Ближние бояре и Адашев принесли присягу. Только князь Дмитрий Курлятев, приятель Адашева, сказался больным и от присяги уклонился. Оставалось неясным, какую позицию займет двоюродный брат царя удельный князь Владимир Андреевич Старицкий—возможный соперник малолетнего Дмитрия.

До дворца доходили известия, что князь Владимир и его мать, княгиня Евфросинья, женщина энергичная и честолюбивая, собирали своих дворян и раздавали им деньги. Некоторые из бояр,

присягнувших Дмитрию, одновременно спешили договориться и с князем Владимиром и обещали ему поддержку в случае смерти царя. Во дворце поднялась тревога. На следующий день стали приводить к присяге остальных бояр. Царь чувствовал себя очень плохо и не мог лично присутствовать при церемонии. Присяга приносилась в передней палате, рядом с той комнатой, где лежал больной, и проходила далеко не гладко. Между боярами шли перекоры и перебранки. Князь Иван Михайлович Шуйский отказывался целовать крест (присягать) на том основании, что «государя тут нет». Отец Адашева—окольничий Федор Григорьевич Адашев откровенно высказал мысль многих присутствовавших: «Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Дмитрию, крест целуем, а Захарьиным нам не служить. Сын твой, государь, еще в пеленках, а владеть будут нами Захарьины, а мы уже от бояр в дни твоего детства видели много бед!» И другие бояре говорили: «Ведь владеть нами будут Захарьины, лучше, чем служить государю малому, станем служить взрослому, князю Владимиру». Сам Сильвестр хлопотал за Владимира Андреевича, с которым он был в дружбе. «И была между бояр брань великая, и крик, и шум великий». Захарьины перепугались. Царь обратился к боярам, присягнувшим накануне его сыну: «Вы поклялись служить мне и сыну моему, а теперь вот бояре не хотят признавать сына моего государем; так если я помру, то помните свою присягу, не дайте боярам сына моего извести, побегите с ним в чужую землю. А вы, Захарьины, чего испугались?—обратился Иван к перепуганным своим родственникам,—или вы думаете—бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецами будете! И вам бы за сына моего и за мать его умереть, а жены моей боярам на поругание не отдать!» Окрик царя смутил бояр, и они нехотя пошли в переднюю избу целовать крест, но сделали это с неудовольствием и ворчаньем. После того как присягнули бояре, стали приводить к присяге и князя Владимира. Он долго отказывался, и его почти насильно принудили целовать крест.

Иван выздоровел, но события, сопровождавшие его болезнь, показали ему, что он не может рассчитывать на верность даже ближайших своих советников. Алексей Адашев держался очень осторожно во время мятежа и шума во дворце. Отец его открыто отказывался присягать. Сильвестр недвусмысленно стоял на стороне князя Владимира. Тем не менее положение Адашева и его советников не пошатнулось, потому что в это время их поддерживали дворяне, ожидавшие от них улучшения своего положения. Дело изменилось в конце 1550-х годов. К этому времени выяснилось, что реформы, проведенные Избранной радой, далеко не оправдали всех надежд, которые на них возлагались. Не удовлетворены были дворяне и результатами «казанского взятья». Война на территории бывшего Казанского ханства все еще тянулась, население восставало; из-за Камы угрожали набегами ногайские татары, и в этих условиях дворянское землевладение в завоеванном крае развивалось крайне туго. Война с Крымом, затеянная

Избранной радой, сулила очень мало выгод дворянству, и наоборот, была сопряжена с большими трудностями и тяготами. Поэтому дворянство горячо поддержало план завоевания Ливонии, рассчитывая на приобретение там плодородных и хорошо возделанных земель с многочисленным крепостным населением. В войне с Ливонией было заинтересовано и московское купечество. Между тем Избранная рада близоруко отстаивала свою программу войны с Крымом. На этой почве начались столкновения между боярами во главе с Адашевым и царем, который, чувствуя за собою поддержку дворянства, настойчиво проводил в жизнь свои предположения в отношении Ливонии. Летом 1560 г. отношения настолько обострились, что Адашев, покинутый дворянством, на которое он до тех пор опирался, должен был уйти в отставку. Он получил назначение в армию, действовавшую в Ливонии, и после взятия Феллина, по распоряжению царя, должен был остаться в нем в качестве воеводы. Сильвестр тоже удалился «на покой» в Кирилло-Белозерский монастырь. Последовавшая в августе смерть царицы Анастасии Романовны, возглавлявшей партию, враждебную им, послужила врагам временщиков средством, чтобы окончательно их погубить: они были обвинены в ее отравлении. Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь, Адашева смерть спасла от преследования. Впрочем, обвинение было только предлогом, чтоб развязаться с неугодными временщиками. Через некоторое время подверглись опале и карам и наиболее видные из их «советников».

Одной из причин, ускоривших падение Избранной рады, были, повидимому, осложнения, создавшиеся на Ливонском фронте. Победы московских войск, как мы видели, вызвали вмешательство в дела Прибалтики соседних государств. Еще весною 1560 г. литовский воевода Радзивилл занял своими войсками несколько городов в Ливонии, а в 1561 г. намечался раздел Прибалтики между Швецией, Польско-Литовским государством и Данией. Таким образом Москве предстояла также борьба уже не с одним только орденом, а с тремя могущественными державами одновременно. Германский император издал указ о блокаде Москвы, по которому воспрещалось плавание в Нарву. Тем не менее Иван IV продолжал войну с неослабевающей энергией. В начале 1562 г. русские войска уже вошли на территорию великого княжества Литовского В конце года сам царь Иван выступил во главе большой армии и направился к Полоцку, старинному русскому городу, некогда столице самостоятельного русского княжества.

В конце января русские уже увидали «в городе Полоцке верх церкви Софии Премудрости божией»—патрональной святыни города. Полоцк был сильно укреплен. Город был опоясан деревянными рублеными стенами, его окружал посад, защищенный с трех сторон крепким острогом и глубоким рвом, которые тянулись от реки Полоти до Двины. В городе засел литовский воевода Довойна с сильным гарнизоном. После безрезультатных переговоров о сдаче было приступлено к осаде. Город был окружен турами. Стрельцы заняли остров на Двине, откуда можно было обстреливать посад.

Сам царь с выборными дворянами объехал город и осматривал укрепления. По его распоряжению воеводы «стрельбою над городом день и ночь беспрестанно промышляли», и уже 5 февраля в московский лагерь явились парламентеры и завели длительные переговоры об условиях сдачи. Пока они тянулись, закончены были работы по устройству тур, и подвезен был «большой наряд» и «пушки большие», под замысловатыми названиями «Павлик», «Орел», «Медведь» и другие, стрелявшие полупудовыми ядрами, «а у иных пушек немногим того полегче». Переговоры опять не привели ни к каким результатам. Русские начали обстреливать Полоцк из-за Двины. Тогда Довойна распорядился сжечь посад, а жителей «забивать» в город. Воспользовавшись смятеньем, московские стрельцы ворвались в посад. Крестьяне, сбежавшиеся в Полоцк и сидевшие в осаде в Полоцке, массами перебегали теперь в русские станы; в один царский стан перешло более 11 тыс. человек обоего пола. Бомбардировка осажденного города принимала все более ожесточенный характер. Большой наряд был расставлен на пожарище в остроге против главных, «Великих ворот», за Двиною и Полотью, и стрелял «без опочивания день и ночь». Во многих местах городские стены были пробиты; выбили ворота, сбили обламы со стен; первая стена не выдержала, ядра попадали и во вторую стену. «От многого пушечного и пищального (ружейного) стрелянья» земля дрожала даже в русском стане. Полоцкий гарнизон даже не отстреливался. Все жители скрывались в своих домах, в погребах и ямах; сам Довойна с семьей жил в соборном храме. «Напал на них страх и ужас»,—говорит летопись. Только раз осажденные сделали попытку произвести вылазку, но русские ратные люди «литовских людей потоптали и в город вбили». В ночь с 14 на 15 февраля стрельцы подожгли городскую стену во многих местах. Тогда со стен города стали «кликать», что город сдается, и в знак покорности спустили городское знамя. Царь велел отвечать, что не прекратит бомбардировку, пока сам Довойна не выйдет из города. Вечером Довойна и православный полоцкий епископ явились в стан победителя. Иван IV принял их в своем шатре, сидя на своем месте в доспехах, окруженный своими воеводами тоже в полном вооружении. Он милостиво принял полоцкое начальство, благословился у епископа, а Довойну и литовских дворян допустил к руке. Они были отправлены пленниками в Москву. Остальным жителям была предоставлена «воля, кто куда похочет». Этот блестящий успех был достигнут с незначительными потерями—всего в русском войске было убито 86 человек. 21 марта царь уже был в Москве, оставив в Полоцке воевод князя П. И. Шуйского и князей Василия и Петра Серебряных-Оболенских с поручением спешно отремонтировать пострадавшие от бомбардировки укрепления. Земли вокруг Полоцка стали раздаваться в поместье русским дворянам. Польско-литовское правительство поспешило обратиться в Москву с предложением мира, соглашаясь на уступку Полоцка и всех завоеванных русскими в Ливонии городов.

Несмотря на большой успех, достигнутый под Полоцком, дальнейшее ведение войны встречало большие затруднения. Устранение и смерть Адашева далеко еще не означали прекращения активной борьбы со стороны той части боярства, которая примыкала к нему. Этим объясняются опалы и казни, постигшие в 1563 г. родственников и «приятелей» Адашева. Весною 1564 г. произошло событие, выходившее из ряда вон обыкновенных: изменил один из самых видных полководцев, пользовавшийся большим доверием царя,—князь А. М. Курбский. Курбский вступил в переговоры с литовским командованием и, получив от князя Сигизмунда обещание хороших земельных пожалований, бежал в литовский стан с некоторыми дворянами. Тогда же вскрылись «многие неисправления и неправды» князя Владимира Андреевича Старицкого. Таким образом, царь не мог положиться на своих вассалов. При таких обстоятельствах военные действия принимали все более неблагоприятный оборот, в значительной степени благодаря нерадению знатных воевод. В январе русские потерпели тяжелое поражение от литовского войска на реке Уле, близ Орши; неприятель воспользовался тем, что московские воеводы «шли не по государскому наказу, оплошась, не бережно и не полками, и доспехи свои и всякое военное снаряжение везли в санях». Застигнутые врасплох в «местах тесных и лесных», русские не успели ни доспехов надеть, ни даже построить полки. Предводитель князь П. И. Шуйский пал в бою. Впрочем, потери, по тому времени очень значительные, были в сущности невелики: 150 человек убитых и пропавших без вести. Другое русское войско было также разбито недалеко от Орши. «Дела русских в настоящее время пришли в очень тяжелое состояние»,—писали, не скрывая радости, в Данию агенты датского короля. К осени положение еще более осложнилось вмешательством в войну крымских татар, подкупленных литовско-польским правительством. Хан произвел неожиданный набег на Рязанскую область; город Рязань едва был спасен усилиями местных дворян; Москва уже готовилась увидеть под своими стенами крымцев, и царская семья даже спешно выехала в Суздаль. Но, встретив сопротивление около Рязани, татары ушли во-свояси.

В такой обстановке и созрела, повидимому, у царя мысль о необходимости какой-то радикальной реорганизации всего государственного строя.

Не доверяя боярам, Иван не чувствовал себя в безопасности в своей столице ни от внешних, ни от внутренних врагов. Так возник у него план перенести резиденцию в более верное место и окружить себя более надежными защитниками из среды мелких феодалов. Есть указание, что к этому решению царя побудила его родня по первому браку—Захарьины-Юрьевы, заинтересованные в безопасности его наследников, и брат его второй жены, кабардинской княжны Марии Темрюковны, князь Михаил. Именно последний мог указать царю и соответствующие образцы на востоке: кроме турецких янычар, о которых писал Пересветов (черновой список его произведения хранился в казне Ивана IV), со-

всем недавно крымский хан Сахиб-Гирей завел себе особый отряд пищальников. Едва ли все детали плана были ясны самому царю, когда в воскресенье 3 декабря 1564 г. он неожиданно выехал со своей семьей из Москвы, везя с собою всю свою казну—«золотое и серебряное, и платье и деньги», и «святость»—дорогие иконы и кресты. Его сопровождал штат «ближних» бояр, дворян и приказных людей и отряд особо отобранных городовых (провинциальных) дворян; всем им было повелено взять с собой семьи, коней, вооруженных слуг и весь «служебный наряд» (воинское снаряжение). Это было целое войско. Из-за беспутья и непогоды царь остановился на две недели в подгородном своем селе Коломенском, затем двинулся в укрепленный Троицкий монастырь, откуда перебрался в Александровскую слободу. Александровская слобода, окруженная крепкими стенами, представляла собою сильную крепость, в которой царь мог чувствовать себя более или менее в безопасности. Отсюда он 3 января отправил в Москву грамоту к митрополиту и Священному собору. В грамоте он обвинял духовенство, бояр, приказных людей во всех непорядках, которые чинились в государстве после смерти его отца, Василия III, когда он сам был в «несовершенных летах»: бояре и приказные лица грабили казну и не заботились о казенных «прибытках», разобрали промеж себя государственные земли, людям многие убытки делали; бояре и воеводы, держа за собою поместья и вотчины великие и кормления и собрав себе великие богатства, не радели о государстве и о «всем православном христианстве» и не обороняли их от внешних врагов, от крымского хана, от литовского великого князя и от немцев, но сами христианам чинили насилия и удалялись от службы, не хотя стоять против врагов за «православных христиан»; духовенство же, «сложась с боярами и с дворянами и с приказными людьми», во всем их покрывало и заступалось всякий раз, как царь хотел их за их вины понаказать и посмирить. В итоге Иван IV объявлял своим неверным вассалам, что он «от великой жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство и поехал поселиться, где его бог наставит». К грамоте был приложен список боярских измен. В особой грамоте, адресованной к посадскому населению Москвы, «к гостям (высший разряд купечества) и ко всему православному христианству», которую было приказано прочесть публично перед «всеми людьми», царь Иван заверял московских посадских людей, чтоб они «никакого сомнения не держали, гнева на них и опалы никакой на них нет».

Отъезд царя и грозные вести, пришедшие из слободы, как гром, поразили столицу. Всех жителей охватило «великое недоумение». В городе поднялось волнение. Гости и купцы открыто заявляли о своей готовности самим расправиться с изменниками-феодалами, только бы царь «над ними милость показал, государства не оставлял и их на расхищение волкам (т. е. боярам и приказным людям) не отдавал, наипаче от рук сильных (вельмож) избавлял». Приказные люди разбежались из приказов. Перепуганные бояре

и духовенство обсуждали в страхе создавшееся положение с митрополитом. В Александровскую слободу двинулась депутация в лице новгородского архиепископа Пимена и пользовавшегося любовью царя архимандрита Чудовского монастыря Левкия; за ними поехали и другие духовные лица, вся Боярская дума, многие приказные люди, гости, купцы, простонародье. Царь принял депутацию милостиво и выразил согласие остаться «на государстве» под условием, «что ему на своих изменников, которые измену ему делали и в чем ему были непослушны, на тех опалу класть, а иных казнить и имущество их имать (конфисковать), и учинить ему себе в государстве опричнину, двор ему учинить себе и весь обиход особный». Из состава дворян в опричнину переводилась для начала тысяча человек. На содержание опричнины выделялся ряд городов и волостей, в которых предполагалось «испоместить» (обеспечить поместьем) взятых в опричнину. Остальное государство—«воинство и суд и управу и всякие дела земские»—царь оставил в ведении Боярской думы во главе с князьями И. Д. Бельским и И. Ф. Мстиславским (оба приходились ему родственниками) с тем, чтобы они докладывали ему обо всех «великих делах». Расходы по переезду в Слободу, в огромной сумме 100 тыс. руб., царь возложил на земскую казну. Все условия были приняты, конечно, беспрекословно. Уже в феврале подверглось казни несколько видных бояр, в том числе участник осады Казани—князь А. Б. Горбатый-Шуйский с сыном, много дворян было сослано с семьями в Казань.

С устройством опричнины все государство было разделено на две части: земщину—государственную территорию, и опричнину, т. е. особо выделенное владение, лично принадлежавшее государю (от слова «опричь», т. е. особо). Царь выделял на содержание царской семьи и своего «особного двора» часть страны, доходы с которой шли в «опричную», «особную», казну. В опричнину были взяты некоторые улицы и слободы города Москвы: весь район от Москвы-реки до Арбата и «Дорогомиловского всполья» и до Никитской улицы, слободы Воронцовская, Ильинская, Под Сосенками и др., Поморье с его богатыми торговыми городами и важным речным путем в Белое море, ряд городов и уездов в центре государства (Можайск, Вязьма, Ростов, Ярославль, Старая Русса и др.) и на юг от Москвы. Позднее к опричнине были присоединены Старица, Кострома, Дмитров, Переяславль-Залесский, Торговая сторона Новгорода. В опричнину, таким образом, вошли области с торговым и промышленным значением (поморские города, Ярославль, половина Новгорода Великого, Старая Русса) и целые уезды, в которых были расположены старинные княжеские владения (Ростов и Ярославль, вокруг которых лежали вотчины многочисленных ростовских и ярославских князей, владения удельных князей—дмитровских и старицких и т. д.). Из опричнины были удалены крупные землевладельцы, и на место выведенных вотчинников в опричнине были испомещены «опричные служилые люди», образовавшие особый корпус опричников. Их на-

бирали преимущественно из малоземельных дворян, на верность которых царь мог положиться. В опричнине было устроено свое особое управление по образцу общегосударственного: своя дума, свои приказы, своя казна. Остальная территория—земщина—управлялась попрежнему старыми государственными учреждениями и Боярской думой. Утратив свое первоначальное значение феодальной курии с случайным составом при государе, Боярская дума превращалась в орган текущей государственной работы, действовавшей под строжайшим контролем царя, без утверждения которого ни одно мероприятие не могло быть осуществлено.

Со словом опричнина у многих связано представление о периоде ничем не обоснованных жестокостей и зверств. Это в значительной степени объясняется тем, что из современников об опричнине много и красноречиво писали представители именно того слоя феодалов, против которого было направлено острие этого учреждения, и писали, конечно, с определенной точки зрения, отказываясь видеть в нем что-либо, кроме свиреной и ничем не вызванной расправы с невинными людьми. Иностранцы, напуганные успехами русского оружия в Прибалтике, охотно ловили слухи о тех «ужасах», которые творились в Московии, и повторяли эти слухи в преувеличенном виде. Под влиянием таких далеко не всегда беспристрастных свидетельств и позднейшие исследователи составили себе одностороннее представление, как об «эпохе казней», как о периоде бессмысленного «сумасбродства». Кровавая картина расправ с ослушниками и изменниками заслоняла положительный момент жестокой по форме, но по существу целесообразной реформы. Даже такой тонкий исследователь, как В. О. Ключевский, считал, что опричнинная политика Грозного была лишена всякого политического смысла, была сплошным недоразумением. Она, по его словам, была «направлена не против порядка, а против лиц», и этим определялась ее «политическая бесцельность». Однако уже С. М. Соловьев верно угадывал, что опричнина—закономерное явление, вызванное ходом развития государства, понимаемого Соловьевым, конечно, совершенно идеалистически. С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории Смуты» на фактическом материале показал, что опричнина была средством ослабления землевладельческой и политической мощи бывших удельных князей. В настоящее время мы смотрим на вопрос гораздо шире. Опричнина представляется нам как момент создания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм. Дело шло не об одних только наследниках былых самостоятельных князей. Опричнина была направлена против всех слоев феодального общества, которые служили помехой развитию сильной государственной власти, в первую очередь против крупных феодалов—титулованных и нетитулованных—и против той части их вассалов, которая поддерживала их сопротивление самодержавию. Опричнина должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности, сделать невозможным даже частичный возврат к ней и тем самым

обеспечить военную оборону страны. Сам Иван Грозный очень отчетливо показал цель своей реформы. Им выдвигались, как мы видели, три мотива, побудивших его удалиться из Москвы: поведение бояр во время его малолетства, недостаточно добросовестное исполнение ими их военных обязанностей и, наконец, необходимость разорвать негласную круговую поруку, которая связывала всю верхушку правящего класса и тем самым ослабляла эффективность мер, принимаемых верховной властью. Таким образом, основные задачи опричнины определялись царем как недопущение повторения боярско-княжеской реакции, имевшей место в 1538—1547 гг., продолжение которой Иван усматривал, как видно из его переписки с Курбским, и в попытках бояр, близких к Адашеву, ограничить царскую власть. Вторая задача заключалась в укреплении обороны государства, страдавшего от отсутствия достаточной централизации в военном деле; вопрос этот стоял особенно остро в середине 1560-х годов, в самый разгар Ливонской войны, требовавшей громадного напряжения всех военных сил страны.

Реформа 1565 г. в первую очередь должна была разорить крупное боярское землевладение, служившее основой помещичьей мощи феодальной знати. Это достигалось тем, что значительная часть территории государства была взята в опричнину, т. е. в непосредственное владение самого царя. Остальная часть составляла земщину, продолжавшую управляться по-старому. Все земли в опричнине, принадлежавшие боярам, были конфискованы и небольшими поместьями розданы неродовитым опричникам. Бояре, у которых были отняты земли, имели право получить возмещение в других местах, но фактически это не всегда выполнялось, и земли, получаемые ими в обмен, были далеко не равноценны утраченным. Оторванные от своих насиженных гнезд, титулованные и нетитулованные бояре в новых своих владениях уже не имели таких прочных связей, какие существовали у них в их наследственных вотчинах, где население привыкло смотреть на них, как на своих суверенных государей. Этим мероприятием царь добился сразу двух целей: во-первых, разорил и лишил политического значения крупных феодалов, а во-вторых, создавал кадры мелких землевладельцев, всецело от него зависевших, преданных ему и готовых всячески поддерживать его политику. Опричнину Иван Грозный комплектовал из мелких людей, никак не связанных ни с кем из феодальной знати. Перед тем как записаться в опричнину, особая комиссия выясняла, с какими боярами или князьями вели дружбу кандидаты. С лиц, внесенных в опричный список, бралось клятвенное обязательство не иметь никаких сношений ни с кем из земских, даже с ближайшими родственниками. Обязанностью опричников являлось всемерно бороться против всяких попыток, направленных против царской власти, «выметать измену» и «грызть» государственных изменников. Символом этих функций были собачья голова и кисть в виде метлы у седла опричника.

II

Царь Иван отлично понимал, на какие слои московского населения он мог опереться в своей антибоярской политике. Это было, во-первых, мелкое и среднее, преимущественно городовое (провинциальное), дворянство, из которого он и стал вербовать основную массу опричников. Он прямо говорит в письме к своему любимцу опричнику Ваське Грязному: «Что по грехам моим учинилось (а нам как то утаить?), что отца нашего и наши бояре нам учали изменять, и мы, вас, страдников (мужиков), приближали, хотячи от вас службы и правды». В ответ Грязной писал: «Не твоя б государьская милость, и я бы то за человек? Ты, государь, как бог, и малого и великого делаешь!» Очевидно и царь и мелкий провинциальный дворянин отлично сознавали взаимную пользу от их союза, направленного против крупных феодалов.

Поддержку своим начинаниям встретил царь и в посадских людях, заинтересованных в усилении централизации, которая гарантировала им и охрану от произвола «сильных» (т. е. феодальной знати) и широкие перспективы развития их торгов и промыслов. Не случайно поэтому в бурные январские дни 1565 г. обратился царь ко «всем людям» Москвы с особой милостивой грамотой. Со своей стороны, московский посад в этот тяжелый для царской власти и решающий момент открыто стал на ее сторону, грозясь истребить собственными руками всех царских «изменников и лиходеев».

Видя опору своей власти в дворянстве и купечестве, Иван IV обратился к их представителям и в 1566 г., когда из Литвы пришли мирные предложения. Король Сигизмунд II Август готов был отказаться в пользу Москвы от всех завоеванных русскими городов, включая Полоцк. По этому поводу был созван земский собор, на котором наряду с Боярской думой и Освященным собором присутствовали дворяне различных «статей», в том числе помещики соседних с театром военных действий уездов, и представители крупного купечества—гости и живущие в Москве смольняне. Иван IV не хотел мириться на условиях, предлагаемых Литвою: ему нужна была вся Ливония. Реформа, проведенная им внутри государства, давала ему надежду справиться с этой задачей. Дворяне и торговые люди и тут энергично поддержали его планы.

Естественно, что опричнина не могла не вызвать сильного противодействия со стороны крупных феодалов. Среди бояр возникали несколько раз очень опасные заговоры. В целях свержения царя завязывались сношения с иностранными государствами, находившимися в войне с Россией. Опять пытался стать во главе недовольных феодалов князь Владимир Андреевич Старицкий. В союзе с светскими феодалами выступала часть церковных магнатов. В 1567 г. были открыты сношения значительной группы бояр с Сигизмундом-Августом, имевшие целью путем предательства освободиться от «тирании» Грозного при помощи Литвы. В заговоре были замешаны князь Владимир Андреевич и высшие слои на-

селения Новгорода. Благодаря тому, что среди самих заговорщиков не было единства, замысел их был раскрыт. Стоявший во главе заговора боярин И. П. Челядин и ряд других лиц были казнены. Попытка митрополита Филиппа (из знатного рода Колычевых) вмешаться в пользу бояр привела к резкому столкновению между ним и царем; в 1568 г. Филипп был низложен и сослан в Тверской Отрочь-монастырь, где затем был удавлен. В начале 1569 г. был отравлен и князь Владимир Андреевич.

В 1569 г. наступил очень тяжелый момент во внешней политике, которым попытались воспользоваться недовольные. В этом году на польско-литовском сейме в Люблине состоялась уния «короны» польской и Литовского великого княжества в единое государство—Речь Посполитую—на федеративной основе. На том же сейме, в августе была подтверждена уния Ливонии с Литвой. Последний магистр Ливонского ордена Кетлер получил Курляндию в качестве вассала Сигизмунда II Августа. Орден перестал существовать даже формально.

Люблинская уния усилила позиции Литвы и Польши в Прибалтике. С другой стороны, окончание семилетней шведско-датской войны (1563—1570) давало Швеции и Дании возможность активного вмешательства в войну. Внутри собственного государства Иван IV встречал сильную помеху со стороны крупных феодалов, недовольных его политикой. В таких трудных условиях Иван IV изменил свою тактику в Ливонии. С целью привлечь на свою сторону население завоеванных областей и обеспечить нейтралитет Дании он решил образовать в Ливонии вассальное, зависимое от Москвы королевство.

Во главе этого королевства он поставил Магнуса, брата датского короля Фридриха II, которому последний отдал перед тем владения, купленные у эзельского епископа. Для большей прочности Иван IV женил Магнуса на своей племяннице Марии, дочери князя Владимира Андреевича Старицкого. Русские войска под начальством «короля» Магнуса летом 1570 г. приступили к осаде Ревеля, занятого шведами. Одновременно Иван IV организовал борьбу с вражеским каперством на Балтийском море путем найма на московскую службу датских каперов. Несмотря на все эти мероприятия, международная ситуация становилась очень невыгодной для Москвы. Под Ревелем московские войска потерпели большую неудачу.

Положение осложнялось тем, что усилия польско-литовского правительства вовлечь в войну Турцию и Крым увенчались в 1569 г. полным успехом. Султан Селим II снарядил большой поход на Волгу для отторжения от России бывших Казанского и Астраханского ханств. Согласно плану, выработанному в Константинополе, предполагалось прорыть канал между Доном и Волгой и этим путем провести турецкий флот под стены Астрахани. Захват Астрахани сулил Оттоманской порте не только господство в Нижнем и Среднем Поволжье, но и большие торговые выгоды, и возможность действовать с севера против враждебной ей Персии. Однако

тяжелые климатические условия, трудности инженерных работ по прокладке канала и особенно враждебное отношение к проекту крымского хана Девлет-Гирея, опасавшегося усиления Турции в Причерноморье, привели к полной неудаче всего замысла. Зато в 1571 г. сам Девлет-Гирей, при участии турецкого вспомогательного отряда, произвел опустошительный набег на московские пределы. Застигнутые врасплох, московские воеводы отступили к Москве, откуда спешно выехали царь и вся его семья. Татары сожгли московский посад и ушли с громадным полоном. О катастрофических размерах бедствия, постигшего столицу, равно говорят русские и иностранные известия. «За шесть часов,—говорит Штаден,—выгорели начисто Китай-город и Кремль и опричный двор (царский дворец на Воздвиженке) и слободы. Была такая напасть, что никто не смог ее избегнуть!» Впрочем, попытка Девлет-Гирея повторить набег в следующем году была остановлена земскими войсками на реке Лопасне.

Тяжелая обстановка на фронте осложнялась оппозицией крупных феодалов внутри государства. В пограничных районах, непосредственно примыкавших к театру военных действий, было неспокойно. В декабре 1569 г. до Москвы дошли слухи о готовившейся измене Новгорода. Иван не остановился перед самыми беспощадными мерами, чтобы обезопасить тыл армии. Он двинулся походом на Новгород и, по пути разгромив Тверь и некоторые другие города, вступил 2 января 1570 г. в Новгород, как в завоеванный город. В течение шести недель тянулась жесточайшая экзекуция над новгородцами: тысячи людей были подвергнуты пыткам и утоплены в Волхове. Особенно пострадало новгородское духовенство, которое, повидимому, было сильно замешано в заговоре. Архиепископ новгородский Пимен был с позором низложен и сослан. Город был предан разграблению. После Новгорода Грозный двинулся на Псков, но здесь дело ограничилось конфискациями имущества и отдельными карами. Опричники использовали новгородский поход для личного обогащения и, после того как Иван IV вернулся в Москву, продолжали грабить Новгородскую область. Генрих Штаден откровенно пишет, что когда он убедился, что великий князь не собирается разделить награбленное во время похода добро между опричниками, то «решил больше за великим князем не ездить», а действовать самостоятельно. «Когда я выехал с великим князем,—хвалится он,—у меня была одна лошадь, а вернулся я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра». «Обыски» (т. е. обследования), произведенные в новгородских пятинах тотчас после царского похода, показали жестокое опустошение сельских местностей «от государевой опричнины»: крестьянские дворы были сожжены, скот уведен или перерезан, крестьяне, если не были убиты и замучены, разбежались.

Дело о новгородской измене коснулось многих крупных государственных деятелей Москвы, которые были казнены с самой утонченной жестокостью по возвращении царя из похода. В их числе погиб и печатник Иван Михайлович Висковатый, руково-

дивший долгое время всей внешней политикой Московского государства: ему были поставлены в вину самостоятельные сношения с турецким правительством без ведома царя. Замешанными в измену оказались и некоторые видные опричники, в том числе близкие к царю князь Афанасий Вяземский, Басмановы, отец и сын, и др. Начались казни самих опричников.

Новгородская измена показала царю, что злоупотребления опричников вызывают сильное раздражение среди самых разнообразных слоев общества; с другой стороны, он убедился, что и на опричников он положиться не может, как показало участие некоторых из них в заговоре; и в боевом отношении опричнина стояла далеко не на достаточной высоте, как обнаружилось во время набегов крымского хана Девлет-Гирея в 1571 и 1572 гг. Вторичный набег Девлет-Гирея был отражен силами земщины. Сам Иван Грозный невысоко ценил доблесть своих опричников: «Только бы,—писал он Василию Грязному,—таковы крымцы, как вы, женки, и не было и за реку не бывать!»

Между тем основная задача опричнины была достигнута: крупное землевладение было разгромлено и наиболее могущественные феодальные фамилии истреблены или обессилены. Этим достигалось укрепление централизованного государства. Теперь опричнина становилась ненужной и даже вредной. Перед лицом татарско-турецкой опасности на Юге и трудностей, связанных с войной за Ливонию, необходимо было объединить все силы феодалов. Уцелевшим представителям боярских и княжеских родов были частично возвращены вотчины; опричники, завладевшие конфискованными землями, были помещены в других поместьях, причем некоторые даже пострадали. «Когда игра была кончена,—пишет Штаден,—все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь более не мог без них обходиться». Земским было предоставлено право искать с опричников по суду за причиненные им убытки. Большого реального значения указанные меры не имели ввиду трудности осуществления этих прав, но они означали отказ от системы террора.

В 1572 г. опричнина была официально отменена и было даже запрещено под страхом телесного наказания упоминать это слово, но она сохранилась под новым названием—«двор». Повидимому, такое переименование было сделано из соображений международной политики, чтобы рассеять неблагоприятные слухи, ходившие за границей об опричнине. Земщина попрежнему возглавлялась Боярской думой; Иван IV, не доверяя Думе и возглавлявшему ее князю И. Ф. Мстиславскому (его подозревали в сношениях с Девлет-Гиреем), а вместе с тем, желая придать ей больший авторитет в глазах иностранной дипломатии, поставил во главе ее крещеного служилого татарского царевича Михаила Кайбуловича, а после его смерти—бывшего касимовского «царя» Симеона Бекбулатовича (1575 г.), тоже крещеного служилого татарина, которого он титуловал «великим князем всея Руси»; за собой он сохранил только титул «князя московского» и в сношениях с Симеоном

Бекбулатовичем униженно именовал себя «Иванцем Васильевым». Фактически «великий князь всея Руси» Симеон Бекбулатович действовал во всем по приказу из Александровской слободы, и вся власть нераздельно оставалась в руках «Иванца Васильева». Уже через год, в 1576 г. Иван свел Симеона с великого княжения и дал ему Тверь. С этого года обе части государства были вновь объединены под общим управлением.

Ослабление политического могущества феодальной знати являлось необходимой предпосылкой создания абсолютистской монархии, и в этом заключалось на данном историческом этапе прогрессивное значение опричнины. Это отметили уже современники. Иностранец, опричник Генрих Штаден, писал: «Хотя всемогущий бог и наказал русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит: все, что ни прикажет,— все исполняется, и все, что запретит,— действительно остается под запретом. Ничто ему не перечит — ни духовные, ни миряне».

В это смысле и русский мемуарист, дьяк Иван Тимофеев, крайне отрицательно относясь и к самой опричнине, благодаря которой царь Иван «всю землю державы своей, как секирою, пополам рассек», и к «бесподобным» опричникам, все-таки по праву называет его «после родителей своих вторособирателем всей Русской земли».

VI. РУССКИЙ РЫНОК В XVI в.

Одним из основных условий, которые делали возможным образование единого централизованного государства, было прекращение, хотя бы неполное, экономической обособленности отдельных частей страны, т. е. усиление обмена между областями, рост товарного обращения и в конечном итоге концентрация небольших местных рынков в один всероссийский рынок[1]. «Всероссийский рынок» сложился не сразу. Если, как явствует из слов Ленина, он был предпосылкой к «фактическому слиянию» русских земель «в одно целое», то корни этого явления надо искать в XVI в.

Уже в конце XV и в начале XVI в. мы наблюдаем признаки роста товарно-денежных отношений, однако установление прочных рыночных связей между отдельными районами Московского государства в широком масштабе происходит в основном во второй половине XVI в. Все данные этого времени говорят о развитии ремесленного производства, работающего на рынок, о сосредоточении ремесла в городах, о росте товарного значения хлеба и других продуктов питания, и все это свидетельствует об успехах общественного разделения труда, являющегося основным моментом в развитии товарного обращения в стране. Еще в конце XV в. потребности феодальных хозяйств в продуктах ремесленной про-

[1] См. *Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4-е, стр. 137.

мышленности удовлетворялись главным образом трудом зависимых ремесленников; в вотчинах крупных феодалов мы встречаем не только кузнецов, портных, сапожников, но даже таких специалистов, как бронники и серебреники. В XVI в., как видно из монастырских и архиепископских приходо-расходных книг, крупный вотчинник не мог ограничиваться услугами собственных доморощенных мастеров и должен был обращаться к специалистам, работавшим на рынок. Постройки в большом вотчинном хозяйстве производились вольнонаемными плотниками и каменщиками; сукна отдавали ткать на сторону с платой «от тканья»; шитье одежды, валянье войлоков, битье масла из конопли, окладка серебром икон—все это производилось на стороне, трудом вольных ремесленников. Хотя в каждом большом хозяйстве существовала обычно собственная кузница, но ни одно из них не обходилось без содействия вольного кузнеца, которому платили «за дело» и «за его прибавочное железо». Вытеснение вотчинного ремесла вольным приводит к концу столетия к сокращению числа вотчинных ремесленников. Так, в хозяйстве новгородского архиепископа в середине XVI в. все строительство еще обслуживалось собственными зависимыми плотниками, а в 1600 г. они совершенно исчезают, и «Софийский дом» обращается, в случае надобности, к олонецким плотникам. Точно так же исчезает и постоянный вотчинный кузнец, и все работы по починке железных изделий, по ковке лошадей и т. д. производятся наемными кузнецами.

Таким образом, вотчинное ремесло в XVI в. уступает место вольному ремеслу, которое сосредоточивается главным образом в городах. В Новгороде в 1580-х годах, по минимальным подсчетам, было 578 ремесленников (по другому подсчету даже свыше 1 тыс. человек), в Казани в 1560-х годах—около 425, в Серпухове в 1552 г.—331 и т. д. В городах насчитывается около 200 видов ремесел, не считая пищевой промышленности, которая также насчитывала около 40 видов. Для ремесла XVI в. характерна большая его дробность, наличие большого числа мелких специальностей: среди мастеров, занятых в производстве одежды, встречаются, например, наряду с портными, терличники, сарафанники, свитники, кафтанники, шубники, армячники, чупрюнники, кошурники, однорядники, манатейники, выделывавшие каждый особый вид одежды (терлики, сарафаны, кафтаны, свитки, однорядки и т. д.) и даже отдельную часть одежды (гойтанники, завязочники и т. д.).

Среди этой массы ремесел выделяется производство материй: холстов, сермяг, посконины, крашенины и т. д., в котором были заняты многочисленные в городах холщевники, сермяжники, суконовалы, стригальники. В связи с текстильным производством находились красильное ремесло и выделка всевозможных видов одежды и головных уборов. Всем этим в больших городах торговали многочисленные ряды—холщевый, сермяжный, шубный, терличный, однорядный, кафтанный, кошурный, колпачный, шапочный, шляпный, красильный, белильный. В рядах кожевенном, подошвенном, седельном, сыромятном, сырейном, ременном и т. п. изделиями

из кожи торговали кожевники, сырейщики, сапожники, чоботные мастера, подошвенники, седельники, ременники. Очень крупную отрасль ремесленного производства составляло производство изделий из металлов. На окраинах городов тянулись многочисленные кузницы, в которых работали кузнецы с наемными «казаками» (чернорабочими). В больших городах упоминается много серебреников; в Пскове они торговали своей продукцией в рядах серебряном, сережном и женском. Широкое распространение имели также изделия из дерева. На ярмарки привозились в большом количестве бочки, кадки, лукошки, решета, корыта, рогожи, хомутины и «всякий лесной товар». В деревообделочной промышленности особенно выделялось производство деревянной посуды, в частности ложек. Наряду с выделкой деревянной посуды процветало гончарное производство. В Новгороде существовала целая гончарная слобода (Гончарный конец). В больших городах, как Москва, Новгород, Псков, Смоленск, широко поставлено было производство икон. Иконники работали и на заказ и на продажу.

Наряду с ремесленной продукцией следует отметить на московском рынке сделки на полуфабрикаты: лен трепаный, топленое сало.

В XVI в. разделение труда пошло так глубоко, что уже намечались ремесленные центры, снабжавшие страну продукцией местных ремесленных производств. Такие центры возникали в первую очередь поблизости от сырьевых баз. Рано выделились районы обработки металлов: Серпухов, Устюжна-Железнопольская (здесь около половины населения в конце XVI в. было связано с кузнечным ремеслом), Новгород и др. В лесных районах не только в городах, но и в селах возникали гнезда мастеров по дереву. Калуга промышляла продажей деревянной посуды. Вязьма славилась санями. Уже в XVI в. стали складываться и районы текстильной промышленности, связанные с развитием на местах льноводства и овцеводства. Таким районом во второй половине XVI в. были Можайск с примыкавшей округой, поставлявшей сукна и продукты овцеводства, Вязьма, поставлявшая крашенину, Смоленск—холст. Художественные ремесла—иконное и серебряное—сосредоточивались в больших центрах—Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске. Москва, как столица государства, стягивала к себе ремесленников всяких специальностей; специальностью самой Москвы было, повидимому, оружейное дело.

Развитие городского ремесла способствовало отделению города от деревни, хотя даже в больших городах, как Новгород и Псков, городские жители в какой-то мере еще занимались и земледелием. На городской территории упоминаются «нивки», но в целом население города в XVI в. уже не производило ни хлеба, ни других продуктов питания в количестве, сколько-нибудь удовлетворявшем его потребности. Основная масса населения—торговые люди, ремесленники, а также «казаки» и другие работные люди, жившие черной работой, представители свободных профессий (лекари и лекарицы, повивальные бабки, скоморохи, веселые и т. д.), ча-

стично стрельцы и городовые казаки, которым нехватало государева хлебного жалованья, должны были приобретать продукты питания на рынке. В Москву отовсюду на сотнях возов везли хлеб и рыбу. Зимою на льду Москвы-реки вырастал своеобразный рынок живности, на котором громоздились замороженные туши мяса. Пищевые продукты продавались не только в натуральном, но и в обработанном виде. В городах продукты питания продавались в специальных рядах - мясных, рыбных, хлебных, мучных, калашных, пирожных, соляных, хмелевых, греппевых, кисельных и т. п.—и на крестцах; по улицам в шалашах, на скамьях и на полках торговали хлебом, рыбой вареной, пирогами, пряниками, крупой, горохом, жмолей, овощами, киселем и стояли бочки квасные, своего рода ларьки, с прохладительными напитками. В Новгороде торговля хлебными запасами производилась на особой площади—«хлебной горке», где торговали как новгородские посадские люди, так и «приезжие люди из всяких городов». Даже крупные феодальные хозяйства, оставаясь по существу натуральными, редко обходились без обращения к рынку за сельскохозяйственными продуктами. Соловецкий монастырь, расположенный на далеком севере, должен был ежегодно скупать по нескольку тысяч четвертей ржи и ячменя в Вологде, а Обнорский монастырь в Ярославско-Вологодском краю посылал за хлебом в Переяславль. Другие сельскохозяйственные продукты, как масло, яйца, мед, ягоды, калачи, пенька, покупались монастырями тоже на рынке. Не приходится говорить о таких продуктах питания, которые добывались в определенных районах, как рыба и соль, за которыми приходилось ездить порою очень далеко.

В связи с ростом ремесленного производства и развитием городского рынка изменяется в XVI в. характер города. Для эпохи феодальной раздробленности характерен тип города, не утратившего еще черт укрепленной владельческой усадьбы. В XVI в. город уже выступает как значительный торгово-промышленный центр с гостиными дворами и сотнями лавок и других торговых помещений, разбитых по специальностям на ряды. В Новгороде в конце столетия, по приблизительным подсчетам, кроме двух гостиных дворов, было около 1 тыс. лавок, в Пскове в 80-х годах было, кроме пяти гостиных дворов, около 1 250 лавок, амбаров и клетей; даже в таких второстепенных в торговом отношении городах, как Переяславль-Залесский, насчитывалось около 200 лавок и амбаров, не считая всяких прилавков, стульев и шалашей. Городской рынок был тесно связан с деревенской округой. Крестьяне ежедневно еще в темноте, «до освещения утра», спешили в город «на куплю, неся от своих трудов плоды земные и прочую снедь и от животных», «чтобы на торговище ранее поспеть». С другой стороны, из городского купечества выделяются скупщики сельскохозяйственных продуктов - сельские и деревенские купчины, прасолы мучные, рыбные, соляные и др.; практикуется скупка скота для перепродажи: «от далеких стран скот приводить и отводить от одних людей к другим». Скупка сырья и деревенской ремесленной продукции

производилась на многочисленных торжках и ярмарках, которые в XVI в., особенно во второй его половине, возникали необычайно быстро в сельских местностях и небольших городках и обслуживали в первую очередь местные районы. Феодалы торопились использовать выгодную экономическую конъюнктуру и заводили на своих землях торжки, выхлопатывая себе от правительства исключительные на то права и иммунитеты. Некоторые из этих торжков получили довольно большое значение в хозяйственной жизни, как, например, известная ярмарка в Холопьем городе на Мологе в 1560-х годах, уступившая место ярмарке в селе Симонова монастыря Веси-Егонской. Однако в условиях замкнутого крепостнического хозяйства сельские торжки не могли получить полного развития. Феодалы, властно стягивая торги на территорию своих вотчин, стремились монополизировать выгоды, связанные с ними, и не допускали конкуренции соседних торжков, выхлопатывая в свою пользу соответствующие жалованные грамоты. Так, Симонов монастырь добился отказа соседних землевладельцев от права держать торжки и получил от правительства грамоту, запрещавшую таковые в районе их села Весп-Егонской.

Особый характер имели ярмарки на северо-восточных окраинах Московского государства, где русские торговцы приобретали продукты охотничьего и оленеводческого хозяйства местных народов. На ярмарках в Лампожне и в Пустоозере шла оживленная торговля с самоедами (ненцами), на Тюменском волоку и на реке Сылве—с вогулами.

Таким образом, вся страна покрывалась сетью больших и мелких рыночных центров, объединявших в первую очередь свои округи. Отдельные районы не были, однако, изолированными, сплетались экономическими связями с другими, не только соседними, но и подчас отдаленными районами. Павлов-Обнорский монастырь производил закупки не только в соседних Вологде и Любиме, но и в отдаленном от него Переяславле-Залесском, в Костроме, Шуе, Чухломе, Коломне. Из-под Дорогобужа власти Болдина монастыря посылали в Можайск за сукнами, в Вязьму—за крашениной, в Смоленск и Москву—за самыми разнообразными товарами, производили закупки и в Пскове; из-под Волоколамска ездили не только в Москву, но и в Смоленск и Можайск за сукнами и холстами. Следовательно, рыночные районы, обслуживавшие отдельные монастырские вотчины, были очень значительны. Но эти районы уже были охвачены между собой тесными рыночными связями. Между ними разъезжали «отъезжие» купцы, ходившие с обозами «сюду и овамо», «как обычно торговцам ездить на возах». Торговый радиус великой Перми охватывал всю территорию Московского государства с западных границ до Приуралья. В Пермь приезжали в середине XVI в. не только устюжане, вычегодцы и вятчане, вывозившие оттуда «товар всякой и соль», но и торговцы «из городов Московской земли, из Новгородской земли, из Тверской земли», и сами пермичи ездили торговать в «московские города»; с другой стороны, пермичи ходили «с пермским товаром» к вогу-

лам и остякам, жившим в Приуралье, а те приходили для торговли в Пермь. Великий Новгород служил центром, объединявшим непосредственно связанную с ним округу: Иван-город, Ям, Корелу и другие пригороды новгородские; с другой стороны, в Новгород съезжались купцы из Москвы, Твери, Смоленска, Пскова, Рязани.

Очень важным моментом в развитии товарообмена в XVI в. является отмеченное выше возникновение промышленных центров, которые снабжали своей продукцией самые отдаленные пункты Московского государства. В Устюжну-Железнопольскую посылали специально из Москвы за железом; устюженское железо в конце столетия посылалось в Сибирь, точно так же как «серпуховской уклад» (железо). В Новгород даже из царской казны посылались заказы на изготовление железных ядер для артиллерии. Калужская деревянная посуда имела спрос в Дорогобуже. За посконной приезжали в Псков, за сукнами, холстом и крашенной—в Смоленск, Вязьму, Можайск и т. д. В XVI в. определяются и районы, заготавливавшие сырье. В Пскове был особый льняной двор, где под навесами торговые люди складывали скупленный ими лен. Большое торговое значение имели районы, поставлявшие рыбу и соль. Центром, где производилась закупка соли, был Каргополь, откуда она развозилась по всем городам Московского государства. Другим важным распределительным пунктом продажи соли была Вологда. Значительные закупки соли производились также в Новгородском уезде и в Пскове; наконец «по соль» ездили и в Астрахань. За рыбой из Москвы и ее окрестностей ездили на Белоозеро, в Новгород, Ярославль, Осташево, Астрахань. Из Поморья семгу вывозили в Москву, откуда возвращались с другими товарами. Наконец, северные районы в больших размерах производили закупки хлеба в центре.

Процессу установления хозяйственных связей между отдельными областями Московского государства способствовал рост торговых связей с заграницей, поскольку расширение внешней торговли, предъявлявшей повышенный спрос на русское сырье, вызывало обильный приток его из разных местностей в центральные места сбыта. После взятия Смоленска явилась возможность непосредственной торговли с Литвой. О крупном значении этого факта свидетельствует то, что часть смоленских купцов была переведена в Москву и вошла в состав верхнего слоя московского купечества. С присоединением Казани и Астрахани открылись торговые пути в Прикаспийские страны, Закавказье и Шемаху. Была сделана попытка завязать сношения с Персией через Ормузд, куда в 1567 г. поехали московские купцы Дмитрий Иванов и Федор Першин. С другой стороны, Казань была связана «старой Казанской дорогой» через степи с среднеазиатскими торговыми городами Бухарой и Ургенчем, а последовавший затем захват путей на Сибирь оживил торговлю с зауральскими народами. В иные годы, если верить англичанину Флетчеру, «купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и некоторые иные из

христианских стран» вывозили из России мехов на совершенно баснословные суммы.

В середине XVI в. произошла очень крупная перемена в торговых отношениях между Западной Европой и Россией. До тех пор вся западноевропейская торговля Московского государства шла через балтийские порты, принадлежавшие Тевтонскому ордену, и через Литву и Польшу и всецело зависела от этих государств, враждебно настроенных к России и заинтересованных в том, чтобы не допустить расширения ее связей с более культурными странами. Блокада, в которой фактически они держали Московское государство, препятствовала естественному развитию производительных сил страны и искусственно задерживала ее культурный рост. Вот почему исключительно важное значение имело открытие беломорского пути в Московское государство англичанами в XVI в. Открытие это находится в связи с ростом капиталистических отношений в Англии XVI в. Английское купечество—смелые «купцы-искатели приключений» энергично искали новые рынки для обмена продукции английских мануфактур на сырье и редкие колониальные товары. Английская наука выдвигала все новые и новые географические гипотезы. Ряд экспедиций направлялся во все углы земного шара. Очередной задачей, выставлявшейся и теоретиками-географами и практиками-купцами, было открытие кратчайшего пути в Китай и в Индию, минуя принадлежавшие Испании и Португалии морские сообщения и трудную сухопутную дорогу через турецкие владения. Таким путем представлялся великий северный путь через Ледовитый океан вокруг Азии. Именно для разрешения этой задачи была снаряжена в 1553 г. экспедиция Виллоби. Основная часть экспедиции погибла, зазимовав у берегов Лапландии, но один корабль под командой кормчего Ченслера был занесен в Белое море, в устье Северной Двины, к Холмогорам. Ченслер завязал сношения с Москвой и был принят Иваном IV, который сразу оценил значение этого факта. В 1555 г. в Англии образовалась Московская, или Русская, торговая компания, которая выхлопотала от своего правительства монополию на торговлю с Россией и на отыскание новых рынков на всем севере. Со своей стороны московское правительство предоставило членам компании право свободного въезда в Московское государство и беспошлинной торговли по всей стране, но наотрез отказалось закрепить за ней исключительное право пользования новооткрытым беломорским путем. Вслед за англичанами в Холмогоры стали ездить и голландцы. Другим торговым портом была Кола, куда голландцы ездили с 1565 г. С 1558 по 1581 г. Московское государство владело Нарвой, куда, минуя Ревель и другие порты, приезжали для торговли не только англичане и голландцы, но и французы, шотландцы, немцы. Нарвская торговля принимала широкие размеры, вызывавшие беспокойство соседей Москвы. Вопрос о запрещении «нарвского плавания» и прекращении снабжения русских этим путем боеприпасами постоянно обсуждался на съездах представителей немецких государств в течение всей Ливонской войны,

но попытки прибалтийских государств, воевавших с Москвой, добиться в этом категорического решения сталкивались с примирительной позицией ганзейских городов, во главе с Любеком, заинтересованных в поддержании торговых отношений с Москвой и опасавшихся захвата всего русского импорта англичанами. С потерей Нарвы, отнятой шведами в 1586 г., Балтийское море оказалось опять закрытым для русских, и единственным путем для торговых сношений с Западной Европой оставалось Белое море. Из сказанного видно, какое большое значение для России имело сделанное Ченслером открытие. Благодаря ему Россия в какой-то мере освобождалась от зависимости, в которой ее держали ее прибалтийские соседи. Корабль Ченслера, проехавший в устье Двины, в сущности прорвал блокаду, тяготевшую над Москвой.

Помощь оружием, селитрой, серой, порохом и специалистами-оружейниками, которую Москва получала из Англии, несмотря на протесты германского императора, несомненно, очень содействовала успехам русских войск в Ливонии. Металлы и металлические изделия (олово и медь, оловянная и медная посуда) составляли одну из важных отраслей английского ввоза, но главным предметом торговли англичан в России были сукна. В обмен англичане вывозили меха, воск, кожи, пеньку и другое сырье. Часть сырья англичане обрабатывали на месте; так, они завели канатные мануфактуры в Холмогорах и в Вологде. Канатами, выделанными из русской пеньки, был оснащен весь военный флот Англии, и это дало повод Московской компании хвалиться, что благодаря ей была разгромлена «непобедимая Армада». Англичан интересовал и транзитный путь через Россию в Китай, Персию и Бухару. Агенту компании Дженкинсону, с разрешения русского правительства, удалось проехать в Шемаху и в Бухару, но под давлением русских торговых людей, опасавшихся потерять выгоды от посреднической торговли, такого рода поездки были воспрещены, и все сношения с Средней Азией и Персией Москва сохранила за собой.

Успехи англичан на русском рынке очень сильно ударили по торговле ганзейских городов, которые до тех пор были почти полными монополистами русского рынка. Зато очень скоро англичане встретили сильных конкурентов в лице предприимчивых голландских купцов. Само московское правительство делало попытки установить непосредственные связи с рынками Западной Европы. В 1567 г. Иван IV посылал в «заморские земли» — в Антверпен купцов Ивана Тимофеева и Тимофея Смывалова и в Англию — купцов Степана Твердикова и Федора Погорелова.

Торговля с Западной Европой способствовала оживлению местных рынков. Спрос на сельскохозяйственное сырье вызывал усиленную скупку его по деревням торговыми людьми, которые затем свозили его к Холмогорам, к приходу английских кораблей, и в Нарву. Флетчер говорит, что в период, когда русские владели Нарвой, ежегодно через таможню проходило до 100 судов, гру-

ленных льном и пенькой. Спрос на пушнину усилил движение промышленных людей в поисках «угожих собольих мест». В XVI в. русские промышленники уже проникали далеко за Урал — в Мангазею (на восток от устья Оби) и доходили даже до Енисея. В связи с организацией промышленных экспедиций на местах производилась скупка продовольствия и в большом количестве предметов охотничьего снаряжения, в том числе материалов для выделки одежды и обуви. Все это, несомненно, способствовало торговому оживлению в стране, хотя, конечно, внешний фактор не был решающим.

Развитие ремесла и торговли способствовало росту городов. Москва представлялась англичанам городом более обширным, чем Лондон. В Новгороде в середине столетия насчитывалось около 5 300 дворов; даже в Старой Руссе было 1545 дворов и т. д. Самый характер городского населения резко изменяется в XVI в. В XV в. город был еще крепостным поселением, заселенным, по крайней мере наполовину, зависимыми от феодалов людьми. Теперь вотчинное население города-усадьбы — крепостные мастера и ремесленники, обслуживавшие дворы своих феодалов, втягиваются в широкие рыночные отношения. Со своей стороны и сами феодалы, нуждаясь в денежных ресурсах, которых не могли получать при вотчинных приемах эксплоатации городского населения, способствовали ускорению процесса разрушения вотчинного характера города. Бывшие крепостные великих и удельных князей переводятся в тягло и превращаются из зависимых оброчников и «людей» в тяглецов, на которых лежит содержание не одного великокняжеского или удельного двора. Одновременно в связи с ликвидацией феодальной раздробленности отписывались на государя города, принадлежавшие крупным феодалам, подвергнимся опале, и население их переходило под непосредственную власть государства. Так в 1571 г. были конфискованы укрепленные городки князя Мстиславского на южной границе.

Другим характерным моментом для данной эпохи является усиление социальной диференциации внутри города. Из общей массы посадских людей выделяются высшие разряды купечества: гости, суконники, сурожане, корыстные купчины. Насколько резко проходит эта диференциация, свидетельствует то, что по «Судебнику» 1550 г. бесчестие за оскорбление гостя (50 руб.) было в десять раз выше бесчестия за среднего посадского человека (5 руб.) и в 50 раз выше бесчестия за «черного» человека (1 руб.). Во второй половине XVI в. верхушка посада уже оформляется: создается особый чин гостей, связанный как с рядом иммунитетов и привилегий, так и с несением определенных служб, и две привилегированные сотни — гостиная и суконная.

Экономическое усиление купечества способствовало и росту его политического значения. Городское население, в первую очередь купечество, было заинтересовано в объединении страны и в укреплении экономических связей между отдельными ее частями и в царской власти видело залог осуществления своих чаяний. По-

этому в разгар борьбы с боярством посад решительно стал на сторону царя. Не случайно на земский собор 1566 г. правительство привлекло представителей высших разрядов купечества (гостей и суконников) в уверенности найти с их стороны полную поддержку своим планам в отношении Ливонии.

Развитие товарно-денежных отношений отразилось и на социальной структуре деревни, в которой тоже наблюдаются признаки значительной диференциации.

В селах упоминаются крестьяне, живущие торговлей. В городах встречаем много крестьян-лавковладельцев. Таким образом, выделение из состава сельского населения группы торговых крестьян— момент очень важный для истории формирования торговой буржуазии Москвы—началось уже в XVI в.

Развитие экономических связей между областями Московского государства и явилось той базой, которая обусловила политическое объединение русских земель и облегчила окончательную ликвидацию остатков феодальной раздробленности при Иване IV.

VII. «КРИЗИС» 1560—1570-х годов

Необходимость приспособления феодального хозяйства, в основном носившего натуральный характер, к рыночным условиям, вызванным развитием товарно-денежных отношений, тяжело отразилась на благосостоянии большинства феодалов. Потребность в деньгах приводила землевладельцев к усилению эксплоатации крестьян, поскольку при примитивности тогдашней земледельческой техники они не знали другого способа повышения доходности своих земель. В крайнем случае прибегали к займам на стороне, главным образом у монастырей, которые благодаря притоку денежных вкладов располагали значительными денежными суммами. Но деньги доставались с величайшим трудом под заклад недвижимой собственности. Вотчина из рук знати стремительно переходила в руки монастырей, усилившаяся эксплоатация приводила к полному разорению крестьян и к бегству их из насиженных мест на окраины— в Поволжье, сделавшееся доступным русской колонизации после «казанского взятия», и на «вольный Дон», в казаки.

Экономическое оскудение страны очень обострилось из-за затянувшейся Ливонской войны, которая потребовала огромного напряжения всех сил государства.

К началу 1570-х годов международная ситуация сделалась очень неблагоприятной для Москвы. Организация Иваном IV на Балтийском море каперства посредством найма датских капер для борьбы со шведским и польским пиратством, подрывавшим нарвскую торговлю, взволновала всю Центральную Европу. На рейхстаге в Шпайере в 1570 г., по предложению Пруссии, снова обсуждался ливонский вопрос. Представители восточнонемецких государств, опасавшиеся за собственные земли, настаивали на активных действиях против Москвы. Пфальцграф Георг-Иоанн Фель-

депутаций (из Эльбинга) представил проект создания сильного имперского флота для предотвращения «московской опасности». Проект был встречен сочувственно, но ни ганзейские города, ни Дания не хотели отказаться от выгод, которые представляли торговые сношения с Россией, и рейхстаг не пришел ни к каким реальным результатам.

Смерть Сигизмунда II Августа летом 1572 г. вызвала было в Москве надежды на разрешение конфликта из-за Ливонии дипломатическим путем. Одновременно Иван IV вел переговоры с литовскими послами о своем избрании на польский престол и с германским императором о разделе Речи Посполитой, с тем чтобы к империи отошла Польша и Пруссия, а к Москве Литва и Ливония. Выборы короля в Польше затянулись, так как выбранный было на сейме брат французского короля Карла IX после четырехмесячного правления счел для себя более выгодным променять польский престол на престол Франции, опустевший после смерти его брата, и покинул Польшу. Только в декабре 1575 г. был избран новый король, Стефан Баторий, венгерец, бывший князь Семиградский. Впрочем, первое время занятый осадой Гданьска (Данцига), отказывавшегося признать его королем, Баторий не мог уделить внимания русским делам. Пользуясь этим, Иван IV опять развернул широкие военные действия в Прибалтике. В январе 1577 г. русские войска осадили Ревель, а весной сам Иван IV выступил в поход в Ливонию одновременно с «королем» Магнусом. Поход увенчался большим успехом: было взято 26 городов. Осенью русские войска ушли из Ливонии, и тогда началось наступление войск Батория. Баторий реорганизовал свою армию на европейский образец: вместо мало пригодного к войне шляхетского ополчения, почти не отличавшегося от московского нерегулярного дворянского ополчения, он привлек наемные немецкие и венгерские полки, значительно усилил артиллерию и перешел к наступательной войне, заключив предварительно соглашение со Швецией. В августе 1579 г. Баторий осадил Полоцк. Русский гарнизон оборонялся с исключительным мужеством; его поддерживало все население: старики, женщины помогали тушить пожары, возникавшие от зажигательных ядер. Баторий не хотел приступить к штурму, опасаясь неудачи, и предпочел поджечь деревянные стены города. Часть стены прогорела, но осажденные успели провести в этом месте ров и отбили наступление венгров, без разрешения короля кинувшихся на штурм. После трехнедельной осады и бомбардировки пожары и отсутствие продовольствия заставили гарнизон сдаться, но епископ и некоторые из воевод наотрез отказались сдаться и заперлись в соборе, откуда были вытащены силой. После Полоцка пала крепость Сокол, причем неприятель произвел неимоверную резню среди защитников. Одновременно в сентябре шведские войска безуспешно пытались взять у русских Нарву. На следующий год Баторий вступил на русскую почву и захватил Великие Луки и несколько соседних городов. В летнюю кампанию 1581 г. он взял Остров и 26 августа приступил к осаде

Пскова. Войско Батория насчитывало до 100 тыс. человек, псковский гарнизон вдвое меньшее число защитников (50 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы), но город был хорошо укреплен и воеводы — Василий Федорович Скопин-Шуйский и Иван Петрович Шуйский — были полны решимости. Осаждающие, окружив город «бороздами», т. е. траншеями, открыли жестокую артиллерийскую пальбу. Но, как пишет очевидец Миллер, служивший Баторию, «под Псковом королевские люди не очень-то много славы получили: московиты делали смелые вылазки и показали, что у них довольно много хороших ратных людей». 7 сентября неприятель попытался взять Псков штурмом. Предварительно стены города подверглись жестокой бомбардировке и во многих местах были разрушены до основания. Около полудня начался штурм. Венгерцы и немцы ворвались в проломы и, захватив полуразрушенную Покровскую башню, выкинули в знак победы знамена и стали стрелять внутрь города. Одновременно другой отряд занял Свинусскую башню. Однако, завладев частью внешних стен, осаждающие неожиданно встретились с сильным сопротивлением. «Они очутились на отвале стены, соскочить с которой в город было высоко и трудно,— рассказывает в своем дневнике один из неприятельских солдат.— Русских за стеною была тысяча, так что наши поневоле должны были остановиться. Те из наших, которые забрались в первую башню, тоже рады были бросаться в город, но и им было не в мочь». Русские открыли пальбу по Свинусской башне, в которой засели враги, ядром сбили с нее крышу, так что она обрушилась, потом подложили под башню порох и подожгли, после чего неприятелю пришлось поспешно ее очистить. Сражавшиеся в проломе враги оказались под обстрелом русских, занимавших зубцы на уцелевшей части стены, и тоже были вынуждены отступить. К вечеру и венгерцы были вытеснены из Покровской башни. Осаждающие потеряли 5 тыс. человек убитыми, в их числе был предводитель венгерских полков Бекеш. Потери осажденных были значительно ниже (863 человека убитыми и 1626 ранеными).

Так же неудачна была попытка неприятеля взять укрепленный Печерский монастырь, в котором мужественно отсиживались вместе с гарнизоном монахи и окрестные крестьяне. Победа, одержанная псковичами 7 сентября, решила судьбу города. Баторий отказался от мысли взять Псков одним ударом и решил перейти к правильной осаде, но его войска, утомленные длительными и неудачными военными действиями, страдавшие от тяжелых условий зимней кампании и далеко не аккуратно получавшие свою плату, проявляли большое неудовольствие и нетерпение. Сам Баторий, предвидя длительную осаду, покинул войско, поручив начальство мало популярному Замойскому. В лагере начались волнения. В Польше и Литве ощущалось общее утомление войной. Сейм неохотно ассигновывал новые средства на продолжение военных действий. Отсутствие скорых и решительных успехов действовало расхолаживающе. При таких обстоятельствах неудача под Псковом побуждала Батория приступить к мирным переговорам.

С другой стороны, экономическое разорение, вызванное длительной войной на два фронта, делало и для Московского государства невозможным ее продолжение. В то время когда Баторий стоял под Псковом, шведский полководец де-ла-Гарди взял штурмом Нарву и завладел Иван-городом и Ям-городом; Копорье была занята шведами еще раньше. Иван IV решил мириться с Баторием, чтобы все силы свои направить против Швеции. Он обратился к папскому престолу как к посреднику. 15 января 1582 г. в Запольском Яме, недалеко от Пскова, было заключено перемирие на 10 лет при участии представителя папы Григория XIII иезуита Антония Поссевино, который, впрочем, действовал явно пристрастно в интересах Батория. Обе стороны должны были отказаться от своих завоеваний. Для России это означало временный отказ от Ливонии. Баторий не добился уступки ни Пскова, ни Новгорода, ни Смоленска, которых он требовал, и, неудовлетворенный условиями мира, тотчас после заключения его стал готовиться к новой войне. Заключение перемирия с Баторием развязывало руки Ивану IV в отношении Швеции. Но в июле 1582 г. Баторий потребовал от него прекращения военных действий в Эстонии на все время Ям-Запольского перемирия, и Ивану IV пришлось отказаться от своих планов и в этой части Ливонии. В начале 1583 г. на реке Плюсе, в Новгородской области, было заключено трехлетнее перемирие со Швецией с уступкой шведам захваченных ими Копорья, Яма, Иван-города, которые, впрочем, были возвращены России при преемнике Ивана IV по Тявзинскому миру 1595 г. Так закончилась 25-летняя война за Ливонию, встревожившая всю Европу и показавшая силу и мощь молодого Русского государства, но истощившая Русскую землю и подорвавшая на некоторое время ее экономические силы.

По развитию производительных сил и по культурному уровню Россия в XVI в. еще не была подготовлена к разрешению балтийской проблемы, которая лишь через полтораста лет оказалась по плечу только Петру Великому. Тем более поражает проницательность, с которой Иван IV осознал основную жизненную задачу русской внешней политики и на ней сосредоточил все силы своего государства, и те исключительные организационные способности, которые позволили ему в течение четверти столетия вести одновременно борьбу с тремя могущественными государствами Восточной Европы.

Длительная война, несомненно, способствовала углублению того кризиса, который переживало натуральное феодальное хозяйство в связи с развитием товарно-денежных отношений в стране. Пограничные области были страшно опустошены. «Обыск», произведенный в 1571 г. в западной части Новгородского уезда, показал большое число заброшенных крестьянских хозяйств оттого, что хозяина «немцы убили, а двор сожгли» или «немцы убили и с детьми, а жена с голоду мертва» и т. д. Но опустение не ограничивалось пограничными районами и было вызвано не только набегами шведов и литовцев. Война требовала все новых и новых

расходов, которые всей тяжестью падали на тяглое (податное) население. Бремя налогов возросло неимоверно и привело к тому, что население разбежалось; наряду с деревнями, разоренными «опричниной», то и дело отмечаются деревни, опустевшие от «царевых податей». В тех же «обысках» читаем такого рода записи: «в той же деревне жребий пустой Федьки Иванова, Федька осиротел да сбежал от царевых податей», и памятью о былом владельце остаются две «хоромины» его прежнего двора.

Наконец, и хозяйничанье опричников должно было еще более усилить общее разорение. Генрих Штаден, сам участвовавший в походе Ивана IV на Новгород и затем самостоятельно пустившийся в грабительскую экспедицию на свой собственный риск, хвалится, что, когда он выехал в поход, у него была одна лошадь, а вернулся он с 40 лошадьми, из которых 22 были запряжены в сани, полные всяким добром.

Действительно, новгородские «обыски» рисуют ужасающую картину Новгородской области после прохода через нее «государевой опричнины»: у одного крестьянина «опричнина живот (имущество) пограбили, а скотину засекли, а сам умер, дети безвестно сбежали», другого «опричные замучили, а скотину его присекли, а живот их пограбили, а дети его сбежали от государева тягла», третьего «опричные замучили и двор сожгли и с скотиною и с животами» и т. д. Но дело не в отдельных эксцессах разнуздавшихся опричников. Опричнина в целом, разгромив крупное землевладение, разорила и большое число деревенских хозяйств. Опричники, поделив на мелкие участки прежние крупные вотчины и не находя удовлетворения своим потребностям в денежных средствах, безудержу эксплоатировали своих крестьян. «Стали брать они,—говоря словами Таубе и Крузе, которые сами были опричниками,—с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели: бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет».

Отмеченные выше изменения в экономике во второй половине XVI в., осложнившиеся тяготами, вызванными войной и опричниной, и привели к той хозяйственной разрухе, которую принято называть «кризисом» 60—80-х годов XVI в. Картину этого кризиса дает князь Курбский в одном из своих сочинений.

«Горестное зрелище!—восклицает он.—Из-за таких нестерпимых мук одни бегут из отечества своего, другие продают детей своих... в работу, третьи собственными руками ищут смерти, предаются удавлению или бросаются в быстрины речные и т. п.». Среди крестьян и посадских людей большие размеры принимало закладничество, т. е. отдача себя под защиту могущественных феодалов. По словам Штадена, иначе «ни у одного крестьянина не осталось бы ни гроша в кармане, ни лошади в стойле».

Результаты кризиса нашли себе отражение в сухих цифрах поземельных описаний этих годов, которые вскрыли картину ужасающего запустения страны. В 13 станах Московского уезда к концу царствования Ивана IV вышло из нормального хозяйствен-

ного оборота около 40% пахотной земли. В Новгородских пятинах, находившихся по соседству с театром Ливонской войны, пустовало приблизительно 92,5% земли. На немногих крестьян и посадских, оставшихся на прежнем месте жительства, всей тяжестью падала уплата налогов и несение служб за тех, кто ушел. От этого страдали и дворяне, с крестьян которых взыскивались и без того сильно повысившиеся вследствие военного времени налоги в двойном и тройном размере. Тот же Курбский в ярких красках рисует положение всех слоев населения Московского государства в результате кризиса: «Воинский чин (дворянство) ныне худейший обретается, так что у многих нет не только боевых коней и оружия ратного, но и пищи для существования, недостатки, убожество и бедственное состояние их (дворян) превосходит всякое описание. Купеческий чин и земледельцев (крестьян) мы ныне всех видим, как страждут, разоряемые безмерными налогами, влачимые немилостивыми приставами и без милосердия мучимые: одни налоги взимают, за другими посылают, третьи замышляют».

В конечном итоге от создавшегося положения страдала и казна, так как недоимки росли с каждым годом и выколачиваемых с большим трудом из населения средств нехватало на очередные нужды государства.

Все это в достаточной мере объясняет, почему Иван IV оказался вынужденным пойти при первой возможности на заключение мира, хотя бы ценой отказа от Прибалтики.

Вместе с тем с начала 1580-х годов правительство приступает к ряду реформ, которые должны были помочь дворянству преодолеть последствия кризиса и восстановить расшатанные государственные финансы. Ввиду того что крупное светское землевладение было уже разгромлено опричниной, новые мероприятия должны были быть проведены за счет землевладения церковного. 15 января 1581 г. в этих целях был созван церковный собор, на котором было постановлено «отписать на государя» земли, которые монастыри, пользуясь условиями опричного безвременья, в широких размерах скупали у князей, с тем чтобы из этого фонда производить раздачу поместий служилым людям. Кроме того, запрещалось впредь давать монастырям вклады землей. В целях прекращения ухода крестьян в монастырские владения монастыри были лишены их прежних привилегий—«тарханов» (иммунитетов), благодаря которым крестьяне, «выйдя из-за служилых людей», могли жить на монастырских землях «во льготе», так как в силу этих тарханов они освобождались от ряда государственных повинностей. Отмена тарханов была вызвана и соображениями казенной выгоды, так как с уходом посадских людей и крестьян под власть привилегированных церковных владельцев казна теряла в их лице плательщиков налогов.

Уничтожение церковных привилегий имело, таким образом, задачей удержание крестьян на дворянских землях, а посадских людей—в городах. Это был первый шаг к полному закрепощению крестьян. Около 1580 г. были приняты и прямые меры к отмене

права перехода крестьян и посадских людей. К этому времени относится не дошедшее до нас Уложение Ивана IV о крестьянах и введение первых «заповедных лет». Согласно указу о «заповедных годах», изданному в 1581 г., выход крестьян был запрещен впредь «до государева указу», т. е. до нового правительственного распоряжения; указ этот был, повидимому, распространен и на посадских людей. Одновременно, в том же 1581 г., было приступлено к переписи (завершенной уже после смерти Ивана IV, при его сыне Федоре, в 1592 г.). Перепись должна была выявить находившийся в распоряжении правительства земельный фонд и платежные силы населения; вместе с тем она должна была зафиксировать права землевладельцев на живших на их землях крестьян. Впредь крестьянин, записанный за тем или иным помещиком, не мог уйти от него «до государева указу», т. е. фактически был прикреплен к земле, если до завершения переписи не поступало в суд заявки на него, как на беглого, со стороны другого помещика. Таким образом, в стремлении ликвидировать тяжелые экономические последствия Ливонской войны Иван Грозный фактически удовлетворил основную потребность дворянства—в крепостном труде. С другой стороны, мероприятия по закрепощению крестьянства, обострив классовую борьбу, подготовили взрыв крестьянской войны через 20 лет после смерти Ивана IV. Недаром наблюдательный современник англичанин Флетчер отметил «всеобщий ропот и ненависть в населении», вызванные мероприятиями Грозного, и предсказал неизбежность «гражданской войны (civil flame)».

Иван IV умер 18 марта 1584 г. Воображение современников, русских и иностранцев, поражала главным образом одна черта его характера—необычайная жестокость: он был «к ярости удобь подвижен», «жестокосерд вельми и на пролитие крови и на биение дерзостен и неумолим». Это дало повод видеть в его характере даже некоторые патологические черты. Благодаря окружавшей его с детства обстановке и отсутствию воспитания в нем развилась жестокость. «По моим грехам и сиротству в юности,—жаловался сам Грозный,—многие зло погибли из-за беды междоусобной, а я вырастал в небрежении, без наказания (воспитания) отца своего и матери и навык злокозненному обычаю бояр, мудровал, как и они». И Курбский, апологет боярства, должен был часть вины за последующее возложить на самих бояр.

Было бы, однако, ошибкой делать упор только на эти черты биографии Грозного. Прирожденные склонности развились и усилились в условиях ожесточенной и неумолимой борьбы с непокорными вассалами. Совершенно аналогичные примеры мы имеем и в Западной Европе в период ликвидации остатков феодальной раздробленности в лице Людовика XI во Франции, Генриха VIII в Англии, Эрика XIV в Швеции. Жестокость Ивана Грозного не была только проявлением болезненной несдержанности неуравновешенного человека, доведшей его до убийства родного сына в порыве ярости, но сознательно применяемым методом политической

борьбы, неизбежным в данных исторических условиях. Это понимали современники.

Писатель начала XVII в. Авраамий Палицын прямо говорит, что порядок в стране держался «разумом и жестокостью» Ивана IV. В Иване Грозном осуществлялась та «гроза», которую устами Пересветова дворянство требовало от царской власти.

Никто, даже враги не могли отказать Ивану IV в остром и проницательном уме. «Муж чудного разумения», «смышлением быстроумный», он развил свои природные способности чтением, был «в науке книжного поучения доволен» и «во словесной премудрости ритор». Он владел даром слова: горячий и страстный, он в своих выступлениях никогда не подчинялся принятому трафарету тогдашнего ораторского искусства, вносил в условную фразеологию официальной речи много страстности и лиризма, много индивидуального и непосредственного. И в разговорах и в своих писаниях он умел бить противника злой потой, грубой иронией и сарказмом. В отличие от большинства русских людей того времени он не чуждался и западноевропейской культуры, чем вызывал упреки со стороны консервативно настроенной части высшего московского общества.

В глазах современников Иван IV был незаурядным стратегом и «в бранех на супротивных искусен». Свои таланты полководца он проявил и под Казанью и под Полоцком. Он обладал и способностями хорошего дипломата. Во время Ливонской войны он развернул большую дипломатическую игру: искусно поддерживал дружеские отношения с Данией, искал союза с Турцией, выдвигал свою кандидатуру и кандидатуру своего сына на польский престол, вел переговоры с империей о разделе польско-литовского государства. Во всех этих политических комбинациях он принимал личное участие, внося в дело всю бурную страстность, весь пыл своей богато одаренной натуры. У Ивана IV было много государственного смысла, он верно схватывал задачи, стоявшие перед государством, и последовательно проводил их.

В борьбе с пережитками феодальной раздробленности и в стремлении создать сильную государственную власть Иван Грозный руководствовался не одними династическими и личными соображениями, но и ясно осознанным пониманием интересов своей страны, обороноспособность которой требовала политического единства. В вопросе о Прибалтике Грозный предвосхитил идеи Петра и проявил гораздо больше государственной прозорливости, чем Избранная рада. «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии,—пишет Маркс,—их *сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой*. Вот причина, почему Петр так им восхищался!» [1]

Нам нет нужды идеализировать Ивана Грозного, нет нужды затушевывать отрицательные черты его личности и деятельности, приписывать ему качества, каких у него не было. Его дела го-

---

[1] «Пролетарская революция» № 3 за 1940 г., стр. 148.

ворят сами за себя. Он создал сильное и мощное феодальное государство, которое после его смерти оказалось в силах преодолеть иноземную интервенцию и приступить к осуществлению широкой национальной программы во внешней политике. Его политика, обеспечивавшая порядок внутри страны и оборону от внешних врагов, встретила горячую поддержку русского народа. Дворянство, крестьянские массы и городское население выигрывали от проведения в жизнь государственной централизации. Таким образом, в лице Ивана Грозного мы имеем не «ангела добродетели» и не загадочного злодея мелодрамы, а крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа и боровшегося за их удовлетворение. Поэтому народ в своих песнях и сохранил яркую память о «грозном царе Иване Васильевиче» и о его времени как о поворотном моменте в истории Русского государства: «Тогда-де Москва основалась, и с тех пор великая слава».

VIII. КУЛЬТУРА ЭПОХИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Бурное строительство централизованного государства при Иване Грозном сопровождалось пышным расцветом своеобразной национальной русской культуры.

Грандиозный политический сдвиг, переживаемый страной, нашел блестящее выражение как в литературе, так и в строительстве и изобразительных искусствах.

Объединение Восточной Европы под главенством московских царей в первую очередь вызвало появление ряда монументальных исторических трудов, имевших целью обосновать идеологически и объяснить исторически образование самодержавного Московского царства. Очень видное место в разработке политической теории московского самодержавия принадлежит литературному кружку митрополита Макария (1542—1563 гг.). Человек образованный, с широкими замыслами и определенными литературными вкусами, Макарий, еще будучи архиепископом в Новгороде, задумал большой труд, имевший своей целью объединение всех удельных литератур: он предполагал собрать в одно целое все «чтомые (читаемые) книги, какие в Русской земле обретаются». Для этого он привлек, не жалея денег, лучших писателей своего времени. Уже в Москве закончены были «Четьи-Минеи»—грандиозное собрание церковно-литературного материала, расположенного по месяцам. Это явилось подведением итогов всему, что было создано в церковной литературе предшествующего времени в различных русских областях. Собранные произведения не были объединены механически: они подверглись и редактированию с политической стороны и стилистической обработке. Создание единого стиля являлось тоже существенным моментом в деле создания общерусской литературы. «Четьи-Минеи» наряду с канонизацией русских «святых» на соборах 1547 и 1549 гг. и с постановлениями Стоглавого собора

закрепляли, таким образом, церковно-религиозное и политическое единство Русского государства.

Задачу исторически оправдать объединение русских земель в единое государство и установление в нем самодержавной власти должно было выполнить и другое литературное предприятие. Во второй половине XV и в XVI в. проведена была большая работа по составлению общерусского летописного свода: собран был обширный и разнородный по происхождению летописный материал, дополнен отдельными сказаниями, объединен в одно целое и связан общей идеей о национальном государственном и религиозном единстве Русской земли. В середине XVI в. было приступлено к составлению грандиозной иллюстрированной всемирной истории в 11 томах, в которой история Московского царства должна была найти достойное место. Но самым замечательным историческим произведением времени Ивана IV и по замыслу и по исполнению является «Книга степенная царского родословия», составленная «по благословлению» митрополита Макария в 1561–1563 гг. его учеником протопопом Андреем (впоследствии митрополит Афанасий). В отличие от летописных сводов, излагавших события по годам, в простой хронологической последовательности, «Книга степенная» представляет собой цельное произведение, в котором каждая часть тесно связана с остальными не только общей идеей, но и литературной композицией. Она должна была показать мировое значение Москвы как исторической преемницы Византийской империи и державы «царя Владимира» и извечность самодержавной власти русских князей, последовательно переходящей в единой династии «богоутвержденных скипетродержателей». Автор представляет московский княжеский дом как «сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ, многоплоден и зрел и благоухания исполнен»; от этого сада и выросла московская династия, члены которой составляют как бы ступени единой «лествицы», идущей от Владимира «святого» до Ивана IV. Путем этой замысловатой литературной метафоры автор «Книги степенной» хочет наглядно показать, что самодержавие Ивана IV является продолжением этой «лествицы», в которой каждая ступень, или «степень», образует княжение отдельного князя—его предка. Через Владимира «святого», который был будто бы «сродником Августу кесарю», и через Владимира Мономаха, который «от греческого царствия получил сан боговенчанного царя», родословие Грозного чудесным образом связывалось с императорскими династиями древнего Рима и Константинополя. Так же настойчиво проводит «Книга степенная» мысль о преемственности самодержавной власти в московском княжеском доме со времен [illegible]. Характерной чертой московского самодержавия является его теократический характер, выражающийся в тесной связи царской власти с церковью. Наглядно это выражено в «Книге степенной» тем, что рядом с каждым князем ставится митрополит и, таким образом, подчеркивается двойственность тех сил, которые создали государство. Более того, «Книга степенная» не [illegible] пере-

носит представление о святости, в какой-то мере обожествляя их, называет отдельных из них «блаженными», «угодниками», «святыми», описывает чудесное зачатие как самого Ивана IV, так и его отца Василия III. В целом «Книга степенная» представляет собой пышный панегирик теократического самодержавия. В самодержавии она видит спасение от ужасов феодальной раздробленности, средство прекращения феодальных усобиц, на изображение отрицательных сторон которых она не щадит красок. Жестокому осуждению подвергаются все общественные элементы, которые, как «окаянные изменники»-новгородцы, противятся объединительной политике московских самодержцев, «не хотя покорятися богом утвержденной власти». Все подданные обязаны беспрекословно повиноваться самодержавному государю. Особенно актуальное значение получили в трактовке «Книги степенной» эпизоды, касающиеся отношения между «скипетродержателями» и их боярами. Бояре должны, «служа» государю и его детям, «головы свои положить». Злоумышление на «помазанника божия» «злых советников диавольских» рассматривается как «бесчеловечное господоубийство». «Да приимут месть и да престанет дерзость в Руской земле помышляющих злое на самодержавных,—восклицает с пафосом автор,—дабы и прочие не навыкают убивать государей на Руси, но со страхом повинуются величию царства начальников Руской державы!» Таким образом, исторический трактат под пером автора, писавшего накануне опричнины, превращается в жгучий политический памфлет, направленный против недавно стоявшей у власти боярской клики, и в призыв к решительным мерам против непокорного боярства.

Концепция «Книги степенной», производившая сильное впечатление своей законченностью и последовательностью, давала новый и убедительный ответ на политические запросы тех слоев русского общества, в интересах которых было укрепление самодержавного строя, и она прочно и надолго утвердилась в московской публицистике. Литературная форма, в которую облечена была эта концепция, должна была соответствовать возвышенности выражаемой ею мысли. Отсюда высокопарная стилистика, характерная вообще для макарьевской школы.

Ту же концепцию исторической обоснованности, какую мы находим в «Книге степенной», развивает и Иван Грозный в своей переписке с князем Курбским. Грозный является несомненно одним из самых блестящих писателей своего времени. Воспитанный на иосифлянских традициях, он с большой страстностью развивал идею преемственности своей самодержавной власти, делая из этой предпосылки соответствующие политические выводы, которые проводил на практике. В своих сочинениях, в частности в двух посланиях к Курбскому, он высокопарно излагает те же основные мысли, какие мы встречаем в «Книге степенной», и делает острые сопоставления с политической действительностью, сопровождая свои рассуждения резкими, порой грубыми выпадами по адресу своих противников. Отсутствие литературного образования дает себя

чувствовать у Грозного в недостатке системы и последовательности изложения, в неумении отделить существенное от несущественного, в нагромождении цитат «не строками и не стихами, как обычно искусным и ученым людям, но целыми книгами, паремиями (отделами) целыми и посланиями», по насмешливому замечанию его корреспондента. Но недостатки стиля Ивана IV покрывались жгучей страстностью его писаний, язвительной иронией его нападок, силой выражений. Такой же иронией в соединении с показным самоуничижением «паче гордости» проникнуто послание Грозного к игумену Кирилло-Белозерского монастыря, в котором он бичует роскошный образ жизни монахов из числа бояр сторонников Адашева и Сильвестра, особенно Ивана Васильевича Шереметева - и попрекает монастырские власти в потакании им и в измене «преданию» основателя их монастыря—Кирилла. «Уставьте с Шереметевым свое предание,- писал он язвительно, а чудотворца предание отложите!»

Та же жесткая насмешка звучит и в послании Ивана IV к его фавориту Ваське Грязному, попавшему в плен к крымцам и хлопотавшему о выкупе своем из плена. Прежде чем согласиться на требуемую сумму, венценосный автор не мог отказать себе в удовольствии поиздеваться на счет своего верного слуги. «Что писал ты, что по грехам взяли тебя в плен,- говорит он с насмешкой,— ино было, Васютка, без пути посередь крымских улусов не заезжать, а уже заехано ино было не по объездному спать: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцами, ажно крымцы самого тебя в торок связали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня за столом за кушанием шутить?»

Всю силу своего блестящего, хотя и неуравновешенного таланта, всю едкость своей иронии, всю изворотливость склонной к силлогизмам мысли Иван IV использовал для теоретического обоснования своей самодержавной власти. И тут историческая концепция «Книги степенной» была для него той основой, на которой он строил свою аргументацию.

Концепция «Книги степенной» не была единственной в литературе XVI в. В противовес ей князь А. М. Курбский выработал собственную историческую концепцию, отражавшую идеологию крупной феодальной знати. Под многосложными влияниями у Курбского сложилось рационалистическое миропонимание, резко расходившееся с традиционным провиденциализмом, господствовавшим в феодальной литературе его времени. Тут сказалось косвенное воздействие возникавших в XV и XVI вв. ересей; очень сильная рационалистическая струя была и в творениях нестяжателей, а с этой группировкой в церкви Курбский был тесно связан. Были рационалисты и среди известных ему византийских богословов. Научное обоснование своего миросозерцания Курбский черпал из классических авторов—«древних философов», в частности Аристотеля. Но, может быть, главный источник его рационализма надо искать в отголосках западноевропейской реформации, долетавших до Московского государства. В Литве, где провел зна-

чительную часть жизни Курбский, лютеране, кальвинисты, последователи других реформатских сект имелись в XVI в. в большом числе и среди литовского дворянства и среди бюргерства. Решающим моментом для Курбского было, однако, желание противопоставить стройному, официальному провиденциализму «Книги степенной», на который опиралось царское самодержавие, такое же стройное философское мировоззрение, которое бы опровергало теорию божественного происхождения московского самодержавия.

Для Курбского основным фактором в истории является не воля божества, а человеческая личность, которая складывается под влиянием прирожденных свойств и воспитания. Оба эти фактора определили и характер Ивана IV. По образному выражению Курбского, в его лице «родилась в законопреступлении и в сладострастии лютость»; дальнейшее завершило воспитание, которое дали Ивану бояре «на свою и детей своих беду». И положительные и отрицательные явления в истории суть результаты воздействия отдельных лиц: либо «мудрых советников», под каковыми Курбский подразумевает Адашева, Сильвестра и их друзей, либо «лизоблюдов» и «паразитов». Исходя из рационалистических воззрений, Курбский и построил в противовес «Книге степенной» концепцию истории Московского государства, как ее понимал представитель той группы московских феодалов, против которой был направлен террор Ивана Грозного. Это концепция «Книги степенной» наизнанку. «Книга степенная» утверждала один род великих князей московских, происходящий от Владимира «святого». Курбский при всяком удобном случае напоминает, что и те, кого преследует Иван, тоже «влекомы от роду великого Владимира», что их предки не менее святы, чем предки царя, которых «Книга степенная» сопричислила к святым. Если «Книга степенная» отмечала в московском великокняжеском роде преемство божией благодати, то Курбский видит только преемство «лютости» и «грабления» в этом «издавна кровопийственном роде» потомков Данила Александровича Московского, которые «обыкли тела своего есть и кровь братьей своей пить».

Такова безотрадная схема русской истории, которую набросал бывший удельный князь, изменивший своей стране и доживавший свой век на чужбине. Этой схеме нельзя отказать ни в оригинальности, ни в смелости, ни в талантливости, особенно по сравнению с тяжеловесной и искусственной схемой «Книги степенной», и тем не менее «Книга степенная» сумела уловить ход исторического процесса, сумела найти нужные в тот момент слова, чтобы идеологически осветить создание централизованного феодального государства, которое приходило на смену феодальной раздробленности, сумела понять прогрессивное значение этого факта, а исторические размышления знатного эмигранта были направлены назад, в то прошлое, которому не было возврата, и не давали никаких перспектив на будущее.

Наряду с литературными произведениями, отражавшими идеологическую борьбу, происходившую внутри правящего класса феодалов по вопросу о тех формах, в которые должна вылиться

организация единого феодального государства, другие произведения подытоживали достижения общерусской культуры в быту, в церковной жизни, в науке. К числу первых принадлежит «Домострой», сохранившийся в копии, которая принадлежала самому знаменитому Сильвестру. «Домострой» кодифицировал, если можно так выразиться, те правила поведения человека в сфере религиозной, государственно-общественной и семейной, которые сложились в русском обществе XVI в. и считались общеобязательными. «Стоглав» произвел такую же работу в области более узкой, церковной, регламентируя с исключительной мелочностью все стороны церковно-административной и церковно-обрядовой организации. Наконец, «Азбуковник» представлял собой энциклопедию научных знаний и освещал известную систему научных воззрений, типичную для феодальной идеологии.

Рост феодальной культуры сказался во введении в Москве книгопечатания. Первые опыты были сделаны еще в 1550-х годах и находились, повидимому, в связи, с одной стороны, с тем большим литературным оживлением, которое связано с именем митрополита Макария, а с другой—с деятельностью Избранной рады. В 1563 г., накануне учреждения опричнины, Иван IV вернулся к мысли о создании типографии. Во главе дела были поставлены «друкарь москвитин» Иван Федоров, дьякон одной из московских церквей, и белорусс Петр Мстиславец, из города Мстиславля. Вышедшая в 1564 г. из этой типографии первая книга, «Апостол», украшенная гравированными заставками и фигурным изображением апостола Луки, в техническом отношении представляет собой хороший образец типографского искусства того времени. На следующий год вышли два издания «Часовника». Существует мнение, что деятельность типографии не ограничилась этими тремя книгами. Однако работа типографии вызвала «презельное (превеликое) озлобление» со стороны духовенства, которое увидело в печатании книги «ересь» и нашло поддержку среди консервативно настроенных кругов знати. Есть известие, что типография была подожжена. Федоров и Мстиславец должны были уехать из Москвы. Свою деятельность они перенесли в Литву, в Белоруссию и в Западную Украину. И здесь, в Вильне, в Остроге, во Львове, как и в Москве, они явились деятельными пионерами славянского книгопечатания. Их отъезд, однако, не остановил развития книгопечатного дела в Московском государстве. Известна книга, напечатанная в Москве в 1568 г. Впоследствии Иван IV устроил типографию в Александровской слободе. Избрание места для новой типографии, конечно, было не случайно и свидетельствует о том, что в системе реформ Иван IV отводил место и печати как орудию воздействия на массы.

В строительном искусстве образование централизованного феодального государства находит яркое отражение в отказе от византийской традиции и в создании нового национального стиля, который из центра распространился по всем областям государства и служит архитектурным выражением единства культуры и власти в Московском царстве. В народном деревянном зодчестве

кроются корни шатровой архитектуры XVI в., не имеющей ничего общего ни с западноевропейскими архитектурными стилями, ни с византийскими. В основе ее лежит старинный остроконечный шатер деревянных построек, который до наших дней сохранился на Советском Севере в старых деревянных зданиях XVII в. Использованный для каменного строительства, обогащенный деталями, заимствованиями из романского стиля, шатер сменил прежний тяжелый византийский купол и придавал зданию изящную легкость и устремление ввысь. Блестящий образец нового стиля представляет поразительная по красоте церковь Вознесения в подмосковном царском селе Коломенском, построенная в 1532 г. На высоком берегу Москвы-реки возносится вверх великолепный 20-гранный «столп» (башня), опоясанный галереей и увенчанный остроконечным шатром с крохотной главкой, один из шедевров русского искусства. В 1556—1560 гг. русскими зодчими—псковским мастером Яковлевым и Бармой—был воздвигнут в самой Москве Покровский собор, более известный под названием Василия Блаженного, образующий группу из восьми шатрообразных столпов, сгрудившихся вокруг центрального шатра. Смелое сочетание разнообразных декоративных мотивов придает этому ансамблю своеобразную прелесть. По примеру столицы церкви аналогичного стиля стали воздвигаться по всему Московскому государству. Шатровое строительство должно было в первую очередь служить для возвеличения победоносного самодержавия. Покровский собор прославлял героическое взятие Казани. В 1558 г. был заложен поразительный по замыслу пятишатровый Борисоглебский собор в Старице, только что выменянной в 1556 г. царем Иваном у двоюродного брата князя Владимира Андреевича,—символ торжества царской власти над удельным княжеством. Это была своего рода каменная летопись успехов и триумфов царской власти.

Политическая тенденция, которой проникнуто строительство XVI в., усиливалась применением живописи как фресковой, так и станковой. Живопись, подобно литературе, имела целью представить в ярких образах извечность и мощь московского самодержавия и окружала религиозным ореолом носителя царской власти.

После пожара 1547 г. в связи с ремонтом пострадавших от огня кремлевских построек были заново расписаны стены Золотой палаты во дворце и под наблюдением самого Сильвестра возобновлена живопись в дворцовом Благовещенском соборе. Роспись Золотой палаты, подобно «Книге степенной», представляла собой апофеоз самодержавия, олицетворенного в образах премудрого Соломона и других иудейских царей и «судей», русских государей, предков Грозного, и, наконец, идеального «царя млада», т. е. самого Ивана и его литературного прообраза—индейского царевича Иоасафа. Ряд картин символично отображал качества, свойственные идеальному царю,—«Премудрость» в виде Соломона, созидающего храм, «Милость»—тот же Соломон, дающий милостыню бедняку, и т. д. В целой серии фресок проходила история крещения Владимира «святого» и присылки знаков царского достоинства

Владимиру Мономаху. В центре этих величественных исторических воспоминаний стоял, однако, «царь млад», и перед глазами зрителей проходила в идеализированных образах вся его жизнь. Вот он—«сын премудр веселит отца и матерь», вот ангел возводит его на престол, вот он сидит на престоле, и ангел возлагает на него венец, вот сам «спаситель» благословляет его, ибо, как гласит надпись, «сердце царево в руце божией», и т. д.

В виде мудрого царевича Иоасафа тот же «царь млад» выслушивает поучение «дивного и чудного» пустынника Варлаама, «саном священника», в котором Сильвестр, может быть, хотел изобразить самого себя, а в образе Иисуса Навина и Гедеона беспощадно избивает язычников, врагов православной веры, разоряет их города, уводит в плен их жен и детей, истребляет «все дышущее» или в образе Моисея освобождает свой народ от египетского рабства, иначе говоря, покоряет Казань и довершает начатое его предками освобождение русского народа от татарского ига.

Те же мотивы звучат и в иконописи. Взятие Казани символически представлено на иконе «Церковь воинствующая», на которой предводительствуемое тем же юношей-царем русское воинство под покровительством «воинства небесного» шествует по объятой пламенем Казани к «святому граду»—Москве (она же «небесный град» Сион). Ту же цель прославления самодержавия преследуют прекрасные миниатюры в рукописи «Царственной книги».

Новые политические задания, выдвинутые моментом перед живописью, требовали и новых изобразительных приемов. Старая византийская живописная манера, которую рекомендовал Стоглавый собор, уже не удовлетворяла этим требованиям. Художники ищут образцов на Западе, в итальянской живописи. Эти западные влияния нашли себе отражение во фресках Благовещенского собора, написанных после пожара 1547 г., в которых заметно стремление к реализму и знакомство с анатомией человеческого тела. Псковские художники писали новые иконы для того же собора «по своему разуму, а не по божественному писанию», один и тот же сюжет трактовали различно, вводили в церковную живопись светские изображения, даже копировали рисунки итальянских мастеров Чимабуэ и Перуджино. Западное влияние сказалось и в символических изображениях, которыми украшены были своды во дворце, где Правда была показана в виде девицы, держащей весы, и Неправда—в виде мужа, стреляющего во врага обратясь вспять, Разум—в виде наклоненной девицы, пишущей на свитке, Безумие—в виде мужа нагого, повергшего с себя ризы, а Воздух был представлен «девичьим образом» и т. д. Все эти новшества не могли не вызвать оппозиции со стороны части образованного общества Москвы. Дьяк Иван Михайлов Висковатый, человек умный и сам вольнодумец, «вопил» и возмущал народ против новых псковских икон, утверждая, что недопустимо изображать в человеческих образах «невидимое божество» и «бесплотных» ангелов. Сильвестр, руководивший работами по реставрации собора, обиделся и потребовал церковного суда. Всесильного в то время (это было в 1554 г.)

фаворита поддержал митрополит Макарий, которого задело вмешательство светского человека в дела, подлежавшие ведению церкви. «Не попадись и сам в еретики,—резко сказал он Висковатому.—знал бы ты свои дела, которые на тебе положены, не разропляй списков!»

Не только живопись, но и искусство резьбы по дереву было использовано для пропаганды новых политических идей. Прекрасный образец этого искусства представляет собой царское место Ивана IV, на котором талантливый мастер изобразил историю Владимира Мономаха.

Все вместе взятое—литература, строительство, живопись, резьба—блестяще утверждало идеологию крепнувшего централизованного феодального государства, складывавшегося в сложном переплетении классовой борьбы. Для этой бурной эпохи характерны искания новых художественных форм, могучие взлеты мысли и фантазии, смелость и великолепие замыслов, использование исторически сложившихся народных мотивов в сочетании с мотивами, навеянными иноземными образцами.

Одновременно с политическим объединением русских земель росла мощная и своеобразная национальная русская культура.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Л. Лазаревский*

Подписано в печать 15 апреля 1942 г. Тираж 50 000 экз. А 50963. Объем 4³/₄ п. л. 40 000 зн. в 1 п. л. Заказ № 180. Цена 75 коп.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

75 коп.